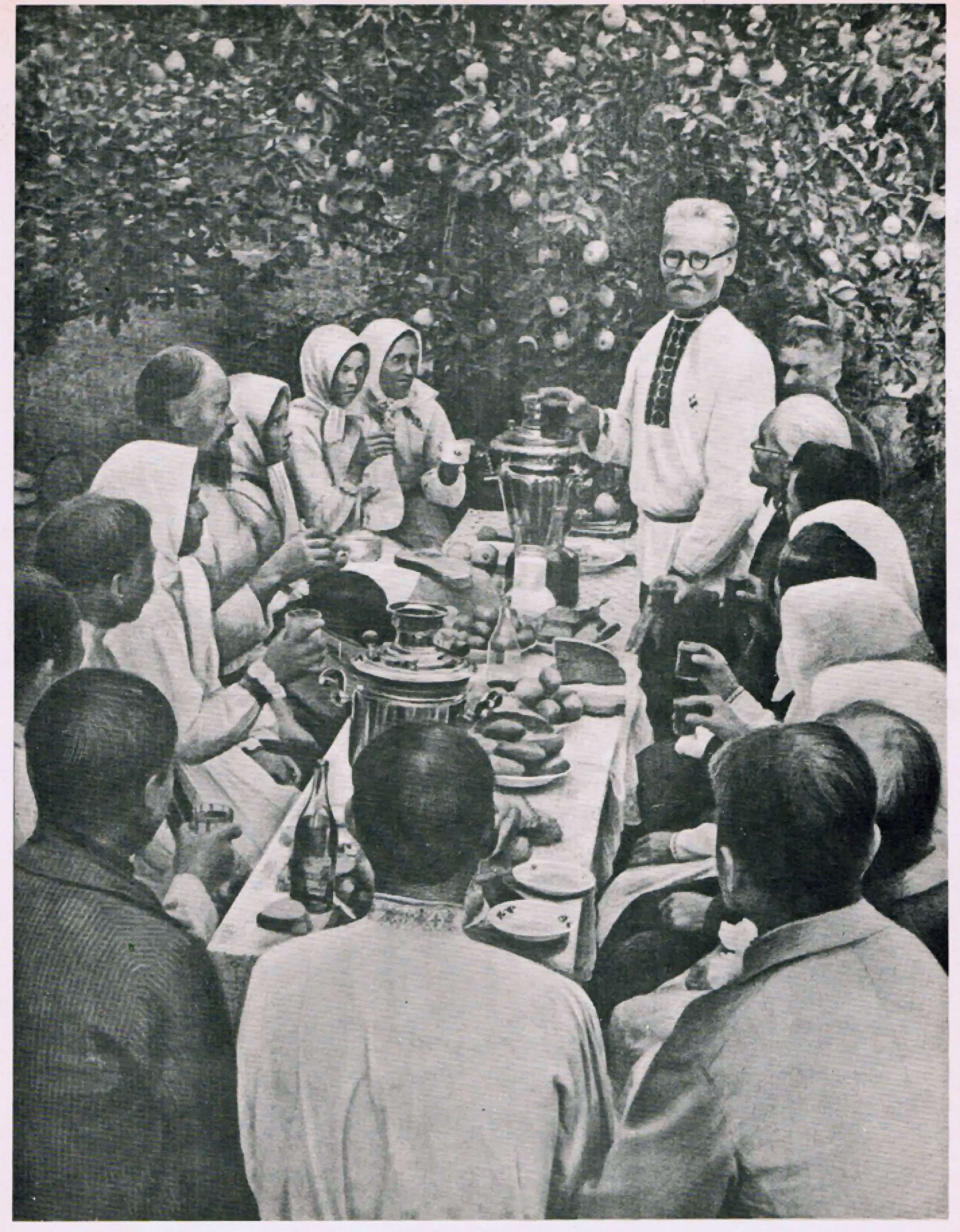

Огонек
24
ЛЕНИН
И
СТАЛИН

Праздник урожая в колхозе.

Фото А. Скурихина

На обложке: Молдавская девушка-колхозница. Фотоэтюд В. Ковригина. На последней странице обложки: На озере Марко-Куль (Казахстан). Фотоэтюд А. Узлян.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 24 (711)

пятница, 30 августа 1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Фотоэтюд С. Гурарий

Сергей Васильев

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Сквозь туман исторических сводок
я гляжу
на промчавшийся век...
Мой предшественник,
мой одногодок,
как он жил — молодой человек?
— Эй, ты... Как тебя... Тюха-пантюха!..
Понабрали уродов-калек!
— Выше морду!
Подтягивай брюхо!
А еще молодой человек!
Оскорбленный,
усталый
и хилый,
приставляя к виску пистолет,
иногда он
братался с могилой
на заре неудавшихся лет.
Иногда,
понаклан̆явшись богу,
обнадеженный богом
и злой,
он шагал
на большую дорогу
с кистенем
да с ножом под полой.
И тогда приходилося лихо
господам, не любившим забот:
в соболях не проедет купчиха,
подгулявший купец не пройдет.
А иной,
побродивший по свету,
побывавший уже в рудниках,
нападал
на цареву карету
с оглушительной смертью в руках.
Но глядели
дворцы и казармы
вороными орлами во тьму.
Бунтаря уводили жандармы
на холодном рассвете в тюрьму.
То ли цепи тяжелые грянут
над умолкшей от скорби землей,
то ли шею бунтарскую стянут
на помосте пеньковой петлей.
Как оглянешься,—
стужей подует.
Как подумаешь,—
сердце в огне.
Это юность моя негодует,
это гордость стучится во мне.
Я горжусь,
ибо в отчих просторах
на большие ходили дела
и такие ребята,
которых
ни тюрьма,
ни петля не брала.
Сокрушительный порох листовок
проносить
сквозь казачий конвой,
поднимать вымпела забастовок —
это им довелось над Невой.
Это их молодое стремленье,
соколиный задор
и размах
продолжает мое поколенье
в лучших мыслях своих и делах.
Я вас славлю,
мои одногодки!
Я вас сразу теперь узнаю
по особенно
легкой походке,
по привычной отваге в бою;
по сиянию глаз,
по улыбке,
по на части
расколотым льдам,
по поющей,
как иволга, скрипке,
по оставленным в небе следам.

Илья Эренбург

ПАДЕНИЕ ПАРИЖА

1. «НУ И ВОЙНА!»

Я хочу рассказать читателям «Огонька» о десяти месяцах войны во Франции, о том, как эта страна шла к разгрому, о падении Парижа, о жизни в оккупированной столице и в «неоккупированной зоне». Это не рассуждения, но записи очевидца. Читатели легко поймут, что о многом еще не пришло время говорить, и они простят мне паузы. Я подготовляю роман о жизни Франции в годы, предшествовавшие войне, и в год войны; там, может быть, мне удастся сказать многое подробнее, точнее, убедительнее.

Второго сентября 1939 года на моей улице закрылась лавчонка. Хозяин написал: «Закрыто ввиду ежегодной мобилизации». Он не был остряком: он просто помнил сентябрь 1938 года. Он считал, что мобилизация устраивается ежегодно, войны, однако, не бывает.

Война все же приключилась. Парижане вначале смутились. Многие покинули столицу, и летние каникулы возобновились в неурочное время. Трудно было найти комнату на курортах Оверни или Бретани. Париж опустел. Хозяйки тонкими полосками бумаги оклеивали оконные стекла. На бульваре Монпарнас стояли проститутки с противогазами. Памятники обросли мешками с песком. Как только немецкий самолет показывался над Нанси или над Мецом, в Париже выли сирены. Парижане послушно сбегали в подвалы. Многие тотчас надевали противогазы, обливали водой занавеси и держали наготове вату с какой-то магической жидкостью.

Вскоре тревога всем надоела. Парижане вернулись в Париж. Проститутки растеряли свои противогазы, никто больше не сходил в убежища, и сирены онемели. Зато предприимчивые люди выпустили пудреницы ввиде миниатюрных противогазов. Газеты сообщали: «Сегодня 46-й день военных действий», но по-настоящему люди не замечали войны. Говорили: «Drole de guèrre!» — это можно перевести: «Забавная война!» или «Ну и война!»

Первыми оценили «ну и войну» коммерсанты. Обыватели покупали всё: землю и консервы, картины и носки.

Военное время родило новые формы кокетства. Дамы носили платочки с надписью: «Он где-то во Франции» [тайна!] При затемнении особым успехом пользовались фосфорические каблуки и светящиеся брошки. Были также брошки с флагами и с танками. Лучшие повара изготовляли специальные консервы для гастрономов, очутившихся на «линии Мажино».

В первые дни войны иностранцев регистрировали, брали оттиски пальцев. В полицейском участке я наблюдал любопытную сцену. Лавочник вопил: у него хотят отобрать погреб под убежище. Полицейский чиновник пытался его растрогать: «На первом месте спасение человеческих жизней!» Лавочник не уступал: «Но от этого может пострадать торговля».

Германские патенты считаются в деловом мире солидными, и французские фирмы во время войны через Швейцарию запасались германскими патентами.

Война казалась большим коммерческим предприятием. Громкоговорители вопили: «Немцы вчера потопили столько-то тысяч тонн, англичане захватили столько-то тысяч, французы—столько-то!» Самым ходким военным словечком стала «тонна».

В одном военном госпитале сидел сумасшедший. Он все время повторял: «Rien a signaler» («Ничего достойного быть отмеченным»). Таково было содержание военных сводок. Этот солдат сошел с ума после артиллерийского обстрела. Какие-то люди ежедневно погибали, но никто об этом не помнил, и громкоговорители орали: «Столько-то тысяч тонн!»

В кафе стратеги непризывного возраста изучали географию. Они не скрывали удовлетворения: война происходила где-то далеко: то под Варшавой, то за Полярным кругом. Стратеги восхищенно вздыхали: «Ну и война!» Некоторые из них говорили, что «ну и война» будет продолжаться три года, другие с видом знатоков возражали: «Нет, четыре».

Редкие смельчаки говорили, что французская армия плохо подготовлена и что ей грозит разгром. Им отвечали презрительным молчанием или мандатами на арест.

Седьмого февраля сего года палата депутатов среди прочих мелких законопроектов одобрила соглашение с Германией, касавшееся мостов через Рейн. Мосты были давно взорваны, но никто об этом не подумал.

В одном парижском госпитале поместили солдат — на испытание. Одному невеста приносила герань, он был убежден, что герань вызовет порок сердца, и он акуратно ел цветы. Его сосед ежедневно поглощал дюжину яиц и бутыль рома: этот надеялся на печонку. Он откровенно говорил: «Я зарабатывал триста франков в день. Охота мне киснуть где-нибудь на «линии Мажино»!»

Газеты писали: «Необходимо развлечь наших солдат. Они скучают». Солдатам слали мячи, домино, уголовные романы. Офицеры мало общались с солдатами: у них были разные вкусы, разные достатки, разные политические убеждения. Офицеры отплевывались, вспоминая времена Народного фронта. Солдаты отплевывались, глядя на офицеров.

Солдаты играли в домино, а бельгийская граница была прикрыта жалкими укреплениями. Военное командование заверяло: «Линия Мажино» непереходима». Очевидно, генералам казалось, что, поскольку имеется «линия Мажино», противник обязательно бросится на эту линию. Англичане спрашивали: «Но как же с Бельгией?..» Французские газеты в ответ галантно сообщали, что бабушка покойного Мажино была англичанкой и любила рассказывать своему внуку старые английские сказки.

Полковник де Голль настаивал на усилении моторизованных частей. Он был автором трудов, раскрывавших особенности современной войны. В генеральном штабе его считали не то футуристом, не то умалишенным. Генерал Гамелен не пускал его на порог. Гамелен свято чтил заветы маршала Фоша и полагал, что война в 1939 году начнется именно так, как закончилась война в 1918 году. Что касается правительства, то у него был хитроумный план: оно хотело воевать, не воюя.

Незадолго до войны на банкете «Иллюстрированных еженедельников» один министр сказал: «Я не понимаю, кого может волновать столь ничтожное событие»,— речь шла о вступлении немцев в Прагу. Другой министр как-то признался: «Когда решаешь вопрос о мире и войне, лучше всего не советоваться с военными». Эти министры оставались министрами и во время войны. Все они куда больше думали о парламентском большинстве нежели о противотанковых орудиях. Из двадцати девяти министров шестнадцать принадлежали к сословию адвокатов.

«Ну и война!»—повторяли французы. Иногда они даже не понимали, против кого они воюют. В августе 1939 года Марсель Деа прославился статьей «Умереть за Данциг?» Он заверял, что французы ни в коем случае не должны умирать за Данциг. В январе 1940 года Марсель Деа выступил с новой статейкой: он предлагал французам умереть за Хельсинки. После этого светские дамы стали вязать теплые носки для генерала Маннергейма. Зима во Франции была наредкость суровой, и немало французских солдат валялось с отмороженными ногами.

Считалось, что Франция воюет против Германии. Однако правительственная пропаганда была направлена предпочтительно против французских коммунистов. Даже закоренелые шовинисты кокетничали подозрительным отсутствием шовинизма, и словечко «boches» [так прозвали немцев в 1914 году] считалось дурным тоном.

В мюзикхоллах иногда исполняли песенку «После двадцати лет разлуки мы снова встретились с вами, Томми» [прозвище английских солдат].

Газета «Эпок» предложила выкинуть из «Chant de départ» [песня Великой французской революции] нелестное упоминание о королях ввиду того, что английский и норвежский короли — союзники. Пели, впрочем, не «Chant de départ» и не приветствие Томми, но песенку Мориса Шевалье: «Париж остается Парижем».

В начале войны, когда на неделю исчезло кофе, стоял ропот: «Это из-за поляков!» Некоторые говорили: «Из-за англичан!» Ограничения казались невыносимыми: помилуйте, в понедельник нельзя продавать говядину, а в среду пирожные! По вторникам, четвергам и субботам в кафе не подавали крепких напитков. Это расценивалось завсегдатаями как проявление террора, достойное 1793 года! Париж и вправду оставался Парижем...

Правительство боялось крестьян, и министры из адвокатов неустанно говорили о «священных правах землепашцев». Когда военный суд судил депутатов-коммунистов, представители крестьянских округов получили более легкую кару нежели депутаты рабочих. Крестьянам, однако, «ну и война» не пришлась по сердцу: они жаловались на отсутствие рабочих рук в семье, на новые налоги, на дороговизну. Не желая отдавать хлеб, они подмешивали к пшенице просо. Они убивали скот. В департаменте Лот цена на землю выросла в шесть раз: крестьяне не доверяли ассигнациям.

Владельцы заводов решили свести счеты с рабочими. Все права, завоеванные французским пролетариатом в 1936 году, были сразу отменены. Хозяева увеличивали рабочий день на три, на четыре, даже на пять часов. В цехах дежурили переодетые полицейские. Профсоюзы распадались. Орган «Союза владельцев заводов и фабрик» писал: «Рабочие должны забыть о дурных временах Народного фронта и готовиться к новым жертвам». Владельцы заводов не шли ни на какие жертвы; они уклонялись от уплаты налогов, не выполняли заказов и переводили деньги в Америку.

На заводах что ни день рассчитывали рабочих. Я знаю токаря, ему пришлось стать огородником. Механика с авиозавода выкинули «за сочувствие коммунистам»; он не мог найти работу. Министры между тем красноречиво говорили о «священных нуждах военной промышленности».

Иногда, развертывая газету, можно было забыть, что Франция воюет против Германии: казалось, правительство занято одним — войной против коммунистов. Суд над депутатами проходил при закрытых дверях, но все говорили о мужестве коммунистов. Металлист Круаза сказал: «Меня послали в парламент сто тысяч рабочих. Как меня могут лишить мандата пятьсот политиканов?» На процесс пришли писатель Жан-Ришар Блок и несколько профессоров. Они свидетельствовали о доблести французских коммунистов.

Полиция осенью разгромила издательство «E. S. I.». Забрали романы Шолохова и Гладкова, статьи Ромэна Роллана, труд биолога

(Окончание см. на стр. 4).

Дела международные
Рисунки Бор. Ефимова
СОВЕТСКАЯ ПРИБАЛТИКА
ПРИБАЛТИКА КАК ПЛАЦДАРМ АНТИСОВЕТСКИХ АВАНТЮР
СКАМЬЯ ПОДСУДИМЫХ — ВИНОВНИКОВ ПОРАЖЕНИЯ
„А судьи кто?.."
ОБЩЕСТВО ДРУЖБЫ и МИРА с СССР
Злобные псы финской белогвардейщины
ШЮЦ
КОР
ЛАПУАС

Пренана, воспоминания о Маяковском. Заведующего издательством писателя Муссинака в апреле арестовали.

В репрессиях правительство проявляло истеричность и неуверенность. До последней минуты судьи, судившие депутатов-коммунистов, не знали, какой приговор им прикажут вынести: оправдают они подсудимых или засудят. Обычно коммунистов присуждали к четырем—пяти годам тюрьмы. Зато в тюрьмах отменили режим для политзаключенных. На фронте коммунистов не арестовывали: боялись солдат.

Общественное мнение порой сопротивлялось. Так например реакционеры травили Луи Арагона за его преданность коммунизму, а самый крупный литературный журнал — «Nouvelle revue française» — во время войны печатал его новый роман. На станции Нуази как-то стоял эшелон с коммунистами; их везли в концлагерь. Толпе сказали: «Это везут дезертиров». Арестованные затянули сначала «Интернационал», потом «Марсельезу». Тогда на перроне поднялись кулаки: солдаты и рабочие салютовали своим товарищам.

Арестовывали по доносу, по подозрению, по наитию. Девятого февраля в Париже был арестован рабочий за то, что он поднял кулак. Восьмого марта суд в Орлеане судил железнодорожника, который пел на улице «Интернационал»; ему предъявили обвинение в «распространении военных сведений». Семнадцатого апреля некто Пейроль был осужден за «высказывание пораженческих мыслей», причем на суде выяснилось, что Пейроль — глухонемой. Тридцатого апреля в Париже арестовали человека, у которого нашли биографию Ленина.

В Париже жил бессарабец Путтерман. Он был пушкинистом: переводил Пушкина, писал о нем, собирал старые издания поэта. Он умер в феврале. На следующий день после его смерти к нему на квартиру пришла полиция; просматривали первые издания Пушкина, искали крамолу.

У меня в комнате стоял фотоувеличитель. Пришли полицейские и с видом знатоков объявили, что это — тайная радиостанция.

Сообщения об арестах коммунистов передавались как реляции о военных победах. Девятого апреля германцы взяли Осло, и французские газеты утешали читателей: полиция «взяла» 17 коммунистов. Шестнадцатого апреля газеты сообщили об аресте 54 коммунистов. В этот день немцы заняли Нарвик.

Кроме арестов газеты занимались важным вопросом о переименовании улиц. В некоторых рабочих районах имелись улицы Ленина, Парижской коммуны, Барбюса, Вайян-Кутюрье. Их спешно переименовали. Кое-где дошло до того, что перекрестили улицы Жореса и даже Кюри.

К концу апреля в лагерях сидели тридцать четыре тысячи арестованных. Одному лейтенанту на юге Франции приказали приготовить лагерь: «Привезут свыше ста врагов». Лейтенант не пожалел проволоки. Увидев «врагов», он возмущенно сказал: «Но ведь это французские рабочие! Уберите заграждения».

Под Парижем, на стадионе Ролан-Гаррос, находился лагерь. Там держали французских сутенеров, немецких писателей, командиров испанской народной армии, итальянских рабочих, чешских художников. Режим в лагере был суровый.

В стране запахло ладаном. Министры «безбожной» Франции неожиданно стали богомольными. Пошли молебны: это молились адвокаты. «Якобинец» Даладье между двумя аперетивами говорил о «защите христианского духа».

В Париже выходил польский журнальчик, в котором беглые паны преспокойно травили евреев. В польских дивизиях генерала Сикорского антисемитизм был не только теорией. Я знаю художников-евреев, родившихся в Польше, которые, будучи призваны в армию и не желая ознакомиться с кулаками антисемитов, записались в Иностранный легион. Зато престарелый Клод Фаррер, выступив с докладом о Польше, чуть ли не после каждой фразы торжественно крестился.

Особенную ненависть к коммунистам проявляли «социалисты». Их газета «Попюлер» печатала статьи о том, как легче всего обнаружить «скрытых коммунистов». «Социалист» Бартелеми стал сотрудником погромной газеты «Матен». Впрочем, потомственные черносотенцы не доверяли неофитам, и де ла Рок попрежнему именовал их «зловредными марксистами».

Я видел любопытную переписку. Министр путей сообщения де Монзи попросил перевести арестованного коммуниста-железнодорожника Семара на политический режим. Министр юстиции «социалист» Сероль ответил отказом: никаких поблажек коммунистам!

Бумаги было мало, и газеты перешли на две полосы; впрочем, и две полосы часто бывало трудно заполнить: кроме арестов коммунистов и подсчета брутто-регистровых тонн в мире якобы ничего не происходило. Придумывали небылицы. «Пари суар» сообщил, что изобретен аппарат, который мешает часовым спать: стоит часовому сомкнуть веки, как его будит электрический ток. Газета «Об» писала: «Францию спасет моторизованная Жанна д'Арк» [о способах моторизации Орлеанской девственницы ничего не сообщалось]. Монархисты в «Аксион франсез» буянили: «Англичанам не удастся нас подкупить!» Газета «Же сюи парту» уверяла, что главный враг Франции — Бенеш. После налетов немецкой авиации иезуиты в «Ла круа» потребовали уничтожения светской школы. Журналист Беро, бывший министр Фланден, «синдикалист» Белен, наконец, гордость ренегатов Дорио — все они в один голос говорили: «Хорошо будет, если французов немного побьют!»

Вдруг модной стала Вена; причем неоавстрофилы ссылались главным образом на достоинства венской оперетки. Перед изысканной публикой выступил Стефан Цвейг. Он, конечно, не упомянул о февральских днях 1934 года, о голодной, растерзанной Вене: он вспоминал «сладкие дни Габсбургов».

Потом любимцем буржуазной черни стал беглый рурский магнат фон Тиссен. Немецкие писатели сидели в концлагерях Франции, а фон Тиссен поселился в лучшей парижской гостинице. Газеты печатали его фотографии, письма, мемуары. Средний француз, знакомясь с этой литературой, недоуменно спрашивал: «Но почему же мы тогда воюем?»

В апреле появилась «пятая колонна». Так называли в Мадриде тайных сторонников генерала Франко. Кого произвели в «пятую колонну» французские журналисты? «Пятой колонной» были названы коммунисты и политические эмигранты. В Париже выходила только одна серьезная газета — еженедельная «Канар аншене» — «Закованная утка», нечто вроде «Крокодила». Там-то правильно написали: «Пятая колонна? Да ведь это попросту — французское правительство».

Народ дурачили: «Немцы завязнут где-нибудь под Нарвиком». Приближались грозные недели, но никто не думал о развязке. «Ну и война» все еще продолжалась. Первого Мая рабочие принуждены были работать, и «Канар аншене» хорошо передала мысли французского буржуа: «После 1918 года это — первое спокойное Первое мая!»

В Кюрвьер, под Парижем, вспыхнула забастовка; рабочих послали на фронт. Когда отправляли корпус в Норвегию, несколько рот взбунтовалось; солдат разоружили и направили в концлагерь. А газеты уже помещали объявления различных курортов: надвигались каникулы. В журнале для женщин «Мари-клер» печатались письма читательниц. Вот вопросы, которые волновали этих дам: «Стоит ли мне выйти замуж за моего жениха, который потерял на войне руку?» «Мне шестнадцать лет, а мама мешает мне флиртовать с солдатами, что мне делать?» «В каком платье лучше всего встречать мужа, приезжающего с фронта?» «Вправе ли «он» ревновать, если «он» на «линии Мажино», а я иногда хожу с друзьями в дансинг?»

Народ, великий и несчастный, обманутый народ ничего не знал. В театрах репетировали новые постановки. Портные занимались летними модами. Девятого мая один писатель сказал мне: «Троянской войны не будет — война уже кончилась, хотя она и не начиналась». Десятого мая германская армия вошла в Голландию и в Бельгию.

В Зоопарке — *Фотоэтюд Е. Микулиной*

В. Наумов

ТАНКИ

ПРИЗНАНИЕ

...Тихая сентябрьская ночь 1917 года. В районе Камбрэ, в Северной Франции, над окопами стлался туман. Мягко колыхаясь, он постепенно превращался в мутное белое море. Германские секреты внимательно вглядывались в сторону английских окопов. Но там, казалось, все спало под непроницаемым пологом тумана.

Но обманчива и коварна была эта тишина. Тысячи заранее пристрелянных английских орудий смотрели в сторону немцев. Более трехсот восьмидесяти боевых и около ста вспомогательных машин, закованных в броню, с запасом снарядов и патронов выстроились в одну линию фронта — длиной около десяти километров.

И когда стрелка показала 6 часов утра, стена бронированных чудовищ без единого выстрела двинулась на германские окопы.

— Танки! Танки! — закричали немецкие дозорные, увидев сквозь туман огромные, расплывающиеся в тумане силуэты.

Окопы быстро наполнились солдатами, бегущими по своим местам.

В этот миг воздух разорвал залп тысячи орудий. Английская артиллерия обрушила заградительный огонь на германские позиции. Она прикрывала атаку танков. Завеса из рвущихся снарядов двигалась впереди танков на двести метров, подавляя огонь немецких пулеметов и артиллерии.

Танки шли. В тумане они казались непомерно громадными. Они подминали под свои вращающиеся гусеницы все живое, поливая свинцовым ливнем немецкую пехоту.

Гремя и качаясь, эти неуклюжие стальные мамонты переползли первую линию окопов знаменитой «позиции Гинденбурга». За танками, словно в раскрытые ворота, редкими цепями бежали пехотные части.

Повернувшись вдоль окопов, танки расстреливали немцев из пушек и пулеметов. Кое-где упорное сопротивление оказала немецкая артиллерия. У села Лато один из танков наткнулся на орудие, открывшее огонь с близкого расстояния. Снаряд слегка повредил танк. Но водитель направил танк на орудие и раздавил его.

Много танков в этот день пострадало от огня германской артиллерии, однако новый вид боевого оружия изменил лицо войны. Германский фронт был взломан на протяжении десяти километров. Раскрылась огромная брешь, и первый день боя дал потрясающий успех: англичане при помощи танков взяли восемь тысяч пленных, сто шестьдесят орудий и множество пулеметов.

Так закончилось знаменитое сражение у Камбрэ.

Германские генералы сначала недооценивали значения танков. Они насмехались над этими «повозками дьявола», как их называли немецкие солдаты.

Но новые крупные успехи танков во время июльского наступления 1918 года заставили немецкое командование вкорне изменить свое мнение. Немцы стали строить танки, но было уже поздно.

8 августа 1918 года под Амьеном четыреста пятнадцать английских танков прошли по германским окопам, как слоны проходят по зарослям сахарного тростника. Двадцать две тысячи пленных, четыреста орудий и огромные запасы снаряжения достались союзникам.

Немецкий генерал Людендорф писал потом в своих мемуарах:

Испытание первого русского вездехода, построенного по проекту Пороховщикова. Июнь 1915 года.

«Этот день был днем траура германской армии».

Танк — детище первой мировой империалистической войны — завоевал свое право на жизнь, получил признание.

РОЖДЕНИЕ ТАНКА

Идея танка родилась не сразу.

Колесница как орудие боя появилась еще в древности на Востоке. Историк Ксенофонт рассказывает о применении в составе армии персидских царей Артаксеркса и Кира боевых колесниц, вооруженных косами. Кир пускал колесницы для прорыва неприятельских войск.

Гениальный итальянский художник, архитектор и ученый Леонардо да Винчи писал о своем проекте безопасных повозок, которые, проникнув в ряды врагов со своей артиллерией, пробьют даже самый многочисленный отряд вооруженных людей.

В 1870 году француз Надар предлагает блиндированную машину с паровым двигателем, а через три года француз Буйенн разрабатывает проект бронированной пушечной боевой машины на гусеничном ходу, изобретенном англичанином Ричардом Идживортом.

Изобретение немцем Отто двигателя внутреннего сгорания произвело переворот в промышленности. Двигатель был поставлен на автомобиль, а затем на самолет.

На учениях Красной Армии. Преодоление полосы заграждений под прикрытием танка.
Фото Ник. Соловьева

Чтобы объединить эти изобретения, еще не связанные между собой, и чтобы создать танк, оставалось сделать только последний шаг.

И вот австрийский поручик Бурштын в 1911 году предлагает свой интересный проект «броневого автомобиля» на гусеницах с вращающейся боевой башней для пулемета. Но этот проект полностью не был осуществлен.

В 1912 году один изобретатель подает в английское военное министерство проект новой боевой машины, значительно более совершенной чем первый танк, появившийся только в 1916 году. Но на этом проекте некий английский чиновник наложил резолюцию: «Этот человек—безумец».

Идею современного танка предложил английский полковник Свинтон в 1914 году. В основу своего проекта он положил трактор «Холт» с гусеницами.

Уинстон Черчилль, занимавший в Англии в то время высокий пост, поддержал проект, найдя идею танка чрезвычайно полезной.

Для постройки нового средства борьбы в Англии возникает «Комитет сухопутных крейсеров». Его инженеры Вильсон и Триттон, взяв в основу проект Свинтона, создали в сентябре 1915 года опытную машину, названную ими «Маленький Вилли». Ему на смену они строят затем более удачную конструкцию «Большого Вилли» — родоначальника всех английских танков.

Естественно, что новое изобретение нужно было держать в строгой тайне. Так как в первой стадии изготовления танк был похож на цистерну («тэнк» — по-английски цистерна, откуда и самое название «танк»), то англичане распространяли слух, что эти «цистерны» делаются по заказу русского правительства, и на каждом танке для сохранения тайны писалось: «Осторожно. Петроград».

Первый построенный танк «M-I» имел продолговатую форму параллелограмма. В этой стальной коробке размещались команда и двигатель. За рулем впереди сидели командир танка и водитель. С боков танка, в полубашнях — «спонсонах»,— стояли пушки. Танк нес на себе две пушки и четыре пулемета. Передвигался он посредством гусениц, охватывающих весь бронированный корпус машины. На танке «M-I» был установлен мотор Даймлера.

С каждым годом войны танк продолжал совершенствоваться. Огромные боевые возможности этих «подвижных крепостей», проверенные на опыте войны, заставили все государства энергично работать над их конструкцией.

ПРОЕКТЫ РУССКИХ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

В России над проектами танков работали В. Менделеев и генерал Лебеденко, но они шли по неудачному пути заграничных предложений — машин на больших колесах, громоздких и неповоротливых.

Только проект известного в то время изобретателя русских аэропланов Пороховщикова, плодотворно работающего и поныне, получил признание и был осуществлен.

О том, как у Пороховщикова зародилась мысль создать танк, названный им тогда вездеходом, сам изобретатель рассказывает:

«...Август 1914 года. На Комендантском аэродроме в Петербурге шло обучение новобранцев.

Поглядывая на солдат, перебегавших цепью, я подумал: «А что, если бы можно было посылать на штурм окопов не людей, а машины, одетые в броню и вооруженные пулеметами?»

Конструктивное решение такой машины я увидел в постановке бесконечных лент, или же гусеничных ходов тракторного типа. Тут же родилась идея: поворот производить на месте с боковым соскальзыванием путем заторможения одной из лент. На таком «вездеходе» должен стоять пулемет в броневой башне.

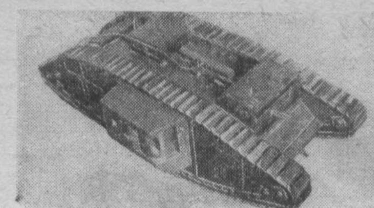
Все эти соображения я представил в своем проекте, поданном в середине августа 1914 года в Ставку верховного главнокомандующего. Я обратился там к зам. председателя комитета по созданию воздушного флота генералу Каульбарсу. Он знал мои работы по авиации.

После долгой волокиты из Ставки был послан приказ строить машину. Четыре месяца моей напряженной работы во главе бригады — и мой «вездеход» готов. После долгих бессонных ночей я сел в машину и начал испытание. Но с бесконечной лентой дело не ладилось. Пришлось затем кое-что переделать».

Вот сухие, официальные акты за №№ 96 и 4563, составленные комиссией под председательством полковника Поклевского-Козелла:

«На испытании вездеход показал, что он легко идет по довольно глубокому песку со скоростью 25 верст в час. Все значительные выбоины и значительные неровности полкового двора вездеход брал на полном ходу. Поворотливость вполне удовлетворительная. В общем, вездеход прошел по грунту и местности, не проходимым для обыкновенных автомобилей».

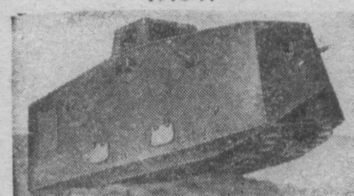
«...В настоящее время приступлено к снаряжению вездехода для плавания».

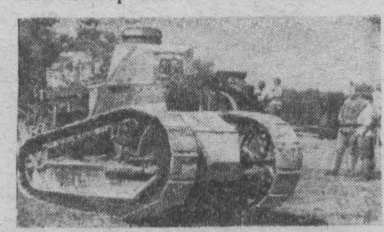
Первый английский тяжелый танк.

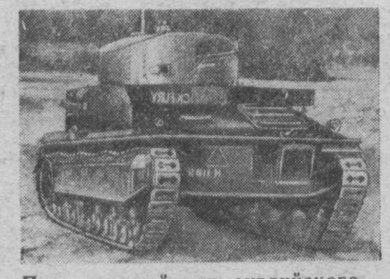
Английский средний танк 1918 г.

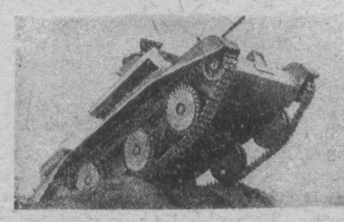
Германский танк времен первой империалистической войны.

Французский танк «Рено» времен первой империалистической войны.

Послевоенный тип английского среднего танка «Виккерс».

Новейший английский легкий танк.

Современный французский легкий танк.

Современный германский легкий танк.

А 29 декабря этого же года в Петрограде вездеход при испытании на снегу «развил большую скорость (примерно около 40 верст в час) и поворотливость вездехода оказалась отличной».

Практические испытания построенного танка-вездехода Пороховщикова происходили 18 мая и 28 июня 1915 года.

Изобретение Пороховщикова попадает в руки тыловых чиновников. Вездеход оказался не по силам тогдашней слабой промышленности, не имевшей даже производства специальных сталей для бронирования. Ее нужно было привезти из Англии. Дело с вездеходом замерло, да и сам изобретатель, увлекшись аэропланами, охладел к своему детищу.

Но все-таки 23 октября 1916 года Пороховщиков сдает свой второй проект усовершенствованного танка. Интересно, что из рубки этого танка три пулемета могли стрелять по полной окружности, а один — зенитно, против самолетов. Хотя этот проект и был одобрен, но второй танк так построен и не был.

Такова судьба одного из интересных изобретений при царском режиме.

После Октябрьской революции, в 1924 году, Пороховщиков впервые выдвигает идею и конструкцию нового, «ультралегкого танка» — танкетки, получившей теперь широчайшее применение во всех армиях мира.

НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ

Вторая империалистическая война с полной очевидностью показала огромную роль и значение танков.

В сражениях во Франции участвовало со стороны Германии более четырех тысяч танков, которые во взаимодействии с авиацией, особенно с пикирующими бомбардировщиками, и с моторизованной пехотой выполняли крупные самостоятельные задачи.

Французы оценивали танки только как вспомогательное боевое средство. Эта недооценка роли танков является одной из причин разгрома французских армий.

На вооружении танковых соединений германской армии состоят средние и легкие танки, представляющие могучую ударную силу механизированных германских дивизий. Легкий германский танк весит до восьми тонн, вооружен двадцатимиллиметровой пушкой и пулеметом, имеет броню десяти—четырнадцати миллиметров толщины. Средний вооружен семидесятипятимиллиметровой пушкой и двумя пулеметами, весит восемнадцать—двадцать тонн.

Тактика германских танковых соединений в боях на Западе такова. Сначала движутся тяжелые, тридцатипятитонные танки, вооруженные пушками и пулеметами. Они пробивают брешь в укрепленной полосе противника, уничтожают противотанковые орудия. Эти танки сопровождаются саперами, подрывающими мины и наводящими мосты. Затем идут средние танки. Они борются с артиллерией врага и разрушают противотанковые препятствия, создавая проходы для легких быстроходных танков. Их роль — подавить и уничтожить пулеметные точки и живую силу противника, проложить дорогу моторизованной пехоте, двигающейся вслед на транспортерах и автомобилях.

Одетая в броню лавина танков, прорвавшись сквозь укрепленную полосу врага, проникает далеко в тыл, сокрушая и парализуя резервы, захватывая важные военные объекты и штабы.

Массовым применением танков, искусным маневрированием и сокрушительными внезапными ударами Германия сумела достигнуть исключительных успехов на боевых полях Франции.

СОВЕТСКИЕ ТАНКИСТЫ

Могучая танковая техника нашей Красной Армии — детище первой сталинской пятилетки. В результате энергичной работы коллектива талантливых конструкторов в СССР появились танки всех типов. Красная Армия получила на вооружение мощную боевую технику. Товарищ Сталин лично принимал участие в разрешении всех вопросов, связанных с реконструкцией Красной Армии. Ему обязаны наши танкисты замечательной материальной частью.

Красная Армия обладает прекрасными кадрами танкистов, подлинных виртуозов, в совершенстве владеющих своими грозными машинами. В руках этих стахановцев обороны, воспитанных советской властью и ленинско-сталинской партией, могущество танковой техники возрастает с каждым днем.

Первоклассное, грозное оружие — танки — находится в руках прекрасных людей, сознающих, за что они борются.

Бои у озера Хасан, у Халхин-Гола, на полях Польши и в трудной обстановке «страны тысячи озер»—Финляндии—показали бесстрашие и исключительное мастерство советских танкистов, а также могущество огня их грозных боевых машин.

И. Экслер

КИШИНЕВСКИЕ ЗАРИСОВКИ

1. ИЗВОЗЧИК

Каждое утро отправлялся я на этом извозчике на аэродром для передачи корреспонденции в Москву. Звали моего извозчика Игнат Дудак. Это огромный худой человек, с птичьим лицом, рыжими усами, с сутулостью, заметной даже сквозь его нелепый, выцветший синий извозчичий балахон. Он подъезжал к гостинице «Швейцария», в которой я жил, и останавливался на самой середине улицы: у тротуара проложены рельсы трамвая. И как только я показывался в подъезде, он уже кричал мне покровительственно:

— Эх, товарищ офицер, я уже вам докладал, что советскому человеку просто неприлично в этой гостинице стоять. Это же поповская гостиница! На ней митрополит капитал наживает...

Пока я усаживаюсь в его пыльный и веткий драндулет, меня окружают нищие.

— Пора уже бросить эти старые штуки!— кричит он им.— Иди в примарию, тебе дадут работу.

Мы едем по Александровской улице—главной улице Кишинева. Игнат Дудак—в который раз!—исповедуется передо мной в тягчайших своих бедах:

— Вы, товарищ офицер, думаете, может, что я так себе—неважный извозчик... Ошибаетесь! Игнат Дудак гремел когда-то на весь верхний и нижний Кишинев... Но в прошлом году, когда ваши заняли Львов, наши бродяги испугались и объявили мобилизацию. Они-то и забрали моего гнедого. Конику шестой год—хоть в зубы смотри. В кнуте не нуждался, не то, что эта шкапа...

И он хлещет лошадь сначала кнутом, потом, наклонившись, кнутовищем с такой силой, что я невольно уклоняюсь в сторону, чтобы не быть задетым. Тем временем мы уже свернули с главной улицы и спускаемся в нижний Кишинев — город лачуг, трущоб, нищеты, грязи и горя. Игнат Дудак знает здесь каждый уголок. Он здоровается с возвращающимися с базара хозяйками, а заигравшемуся на дороге мальчику он кричит:

— Колька, опять, стервец, под экипажу попасть хочешь!..

У аэродрома, где он меня поджидает, прямо в дорожной пыли расселось десятка два торговок. В их корзинах булки, черешни, огурцы, конфеты и прочая снедь. Игнат Дудак стоит, опершись о заднее колесо своего драндулета, и переговаривается с торговками. На обратном пути он заявляет:

— Вы, товарищ офицер, видели тую, в черной шали — черешней торгует?.. Я ее двадцать восьмого, когда бродяги удирали, чуть не задавил вот этими самыми руками...

Его птичье лицо, озаренное какой-то торжествующей радостью, поворачивается ко мне. Грязное, покрытое, словно пудрой, пылью, оно выглядит сурово. Я начинаю верить, что Игнат Дудак может задушить человека...

— За что же это вы ее так?..

— Мне показалось, что она подошла и сорвала красный флаг. Ей нежелательно этого флага! Ей желательно триколоре [1]...

2. КАРЬЕРА МАНИ

Маня родился в Яссах, в мещанской румынской семье. Окончив юридический факультет Ясского университета, он отправился в Бессарабию, чтобы сколотить себе состояние. Многие румынские молодые люди мечтали о том же: только в Бессарабии можно легко разбогатеть и столь же легко сделать хорошую карьеру.

Начал Маня со службы в военном трибунале. Он стал королевским комиссаром, в его обязанность входило поддерживать обвинение против тех, кто дерзал поднять голос против гнета оккупантов. Он посылал людей на виселицу, на каторгу в подземные галереи соляных копей, в переполненные тюрьмы. Этот маленький смуглый толстяк был вымогателем, которому могли бы позавидовать даже старые русские пристава. В городе его звали королем «шперца». Чтобы получить «шперц», он сажал в тюрьму невинных людей, собственноручно истязал и пытал тех, кто не давал взяток или давал слишком мало. Для Мани, часто проигрывавшегося за карточным столом в пух и прах и столь же часто менявшего любовниц, нужно было много денег. И он их выколачивал своими собственными кулаками...

Отслужив положенное время в трибунале, он, наконец, проворовался и вынужден был оставить службу. Но Кишинева он не покинул, а стал адвокатом. Отныне он уже не брал «шперца», а сам давал его судьям, чтобы выиграть дело какого-нибудь помещика или садовладельца, решившего оттягать у бедняка виноградник или клочок земли.

Маня стал богатеть не по дням, а по часам. Лучшие виноградники стали его собственностью. В румынском банке появился у Мани солидный капитал. Целая контора с десятком клерков и роскошная квартира в центре Кишинева. Хоть Маню и знают как пройдоху, взяточника и вора—какой из румынских чиновников не берет взяток, не крадет?—но его выдвигают уже в число самых почетных и знатных бояр Бессарабии. Деньги текут к нему рекой. Он уже готовится стать вожаком местной румынской знати. Маня наслаждается жизнью, он все

ОСВОБОЖДЕННЫЕ КРАСНОЙ АРМИЕЙ

Фото Б. Фишмана и В. Шмулевича

Двадцать два года продолжалась румынская оккупация Бессарабии, двадцать два года гнета, бесправия и нищеты...

Бойцам Красной Армии сразу бросилась в глаза поражающая нищета трудящихся Бессарабии под властью румынских бояр.

Снимки, помещаемые нами, дают довольно наглядное представление об этом. На одном из них (верхнем) изображена группа крестьян, которые были насильно отправлены румынскими властями на уборку помещичьих хлебов. Оборванные, босые, голодные, истощенные, как все бессарабское крестьянство... Внизу — окраина Кишинева. Грязь, разваливающиеся хибарки, бедность, бедность...

Теперь этому пришел конец.

---

[1] Триколоре — трехцветный румынский флаг.

увеличивает свои вклады в банках, он благоденствует.

Друзья из штаба 3-го корпуса румынской армии, квартировавшего в Бессарабии, предупредили Маню, что скоро придется покинуть эту солнечную страну, которую двадцать два года грабили господа, подобные Мане.

Но Маня не верил им. «Чепуха! Королевская армия разобьет русских и присоединит еще и заднестровских румын. Наша граница пройдет вдоль Днепра...» — гордо думал Маня.

Но вот наступили дни 27—28 июня 1940 года. Маня мечется в ужасе по своей большой и роскошной квартире. Шофер с машиной исчез: удрал, вероятно, навстречу красным... Плача горькими слезами, Маня покидает свой дом, свои виноградники.

Он должен бросить все и бежать...

Над городом уже кружили советские двухмоторные бомбардировщики, когда заплаканный грабитель Маня бежал по улице, ища случая выбраться из Кишинева на какой-нибудь попутной машине...

3. ОФИЦИАНТ

Кишиневские официанты не получают жалованья и не берут на чай. Просто к счету прибавляется 10 процентов, которые и идут официанту. В ресторане гостиницы «Лондон» есть официант (его зовут Маврикий Андреевич, но он сам признался, что и имя и отчество у него совсем другие), походкой и манерами которого нельзя не восхищаться: в них есть что-то артистическое. Иногда казалось, что это не официант, а хозяин дома, у которого вы в гостях. Иногда движения этого пожилого гордого человека были проникнуты такой надменностью, достоинством, снисходительностью, что вы чувствовали себя словно услужающим ему...

Я решил разгадать эту загадку. Улучив минуту, когда Маврикий Андреевич составлял счет и, следовательно, был самим собой, я неожиданно спросил его:

— Были ли вы когда-нибудь на сцене?

Эффект был самый неожиданный.

— Милостивый государь, — ответил, подняв свою львиную голову, Маврикий Андреевич.— Я русский актер и надеюсь с вашей помощью снова стать им...

Усадив этого человека рядом с собой, я узнал историю его жизни. За бутылкой красного как кровь каберне Маврикий Андреевич рассказал мне о своих скитаниях по Бессарабии. Русский театр, преследуемый румынами, превратился в кочевой табор преданных искусству людей, игравших в овинах, в рощах под открытым небом, в трактирах... Маврикий Андреевич потерял в этих скитаниях любимую женщину, сгоревшую от туберкулеза, он голодал и мерз, но не бросал любимого дела. В 1938 году даже такому бродячему русскому театру не дали больше жить...

Маврикий Андреевич делает большой глоток, ставит бокал с красным вином на стол и говорит, глядя в одну точку:

— Это был ужас... Артистки помоложе пошли на панель, постарше — в кухарки. А мы все заделались холуями при румынских офицерах. Великая могучая родина совсем рядом. А ты должен прислуживать этим провинциальным опереточным субъектам... Когда я увидел у примарии первого красноармейца, я схватил его в объятия вместе с его винтовкой и расцеловал так, как я еще никогда никого не целовал...

И Маврикий Андреевич стал мечтать о будущем: он возвратится в театр и будет играть новые, советские пьесы.

— Уверяю вас,— сказал, вставая из-за стола официант,— что мы будем играть лучше тех, которые горя не знали, а мы им досыта напились...

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Текст В. Сысоева. Фото А. Спасского

На берегу реки Прут — границе между Советским Союзом и Румынией — расположен маленький городок Унгени.

По улицам этого города ежедневно проходят тысячи оборванных, истощенных людей.

Но лица этих людей улыбаются. Забыв о всех перенесенных лишениях, ступая босыми израненными ногами, они идут, оживленно беседуя. Это бессарабцы, вернувшиеся теперь на родную советскую землю.

Каждый день на мосту, который красной чертой разделен на две половины — на советскую и румынскую,— происходят незабываемые, полные волнения сцены. В условленный час у красной черты встречаются представители советских и румынских властей.

Отряды жандармов и офицеров сдерживают на том берегу многотысячную толпу, которая жадными, полными нетерпения глазами смотрит на советский берег, на свою родину.

Румынский офицер по списку выкрикивает фамилии. Начинается переход границы. Перешагнув красную черту, человек, фамилия которого была названа, обезумевший от радости, бежит по советской половине моста.

На лужайке, подле моста, собирается огромная толпа перешедших границу. Люди дают волю своим чувствам, слезы и радость на их лицах. Сотни рук тянутся к пограничникам. Громкое «ура!» в честь Сталина звучит над рекой.

Страшно смотреть, как выглядят бывшие солдаты румынской армии. Многие из них возвращаются домой в одном нижнем белье. Румыны отбирают у них одежду, взамен выдают нищенские лохмотья (снимок вверху).

У многих бессарабцев на теле и на лицах следы жестоких побоев. Старик показывает пограничникам руки с негнущимися пальцами. Его били шомполами по ладоням за то, что он просил быстрее отправить его в Бессарабию. Двое молодых парней осторожно ведут под руки мальчика. На его рубашке следы крови, вместо лица сплошной кровоподтек, глаза почти закрыты, левое ухо надорвано и превратилось в багровую опухоль. Платком он закрывает рану на щеке (снимок слева).

Вслед за бывшими солдатами румынской армии движется на советскую сторону поток беженцев — жителей Бессарабии, застрявших в Румынии. Идут старики, юноши. Женщины везут грудных детей в колясках, несут малышей на руках. Маленький ручной саквояжик — вот и все их имущество, которое румынские власти разрешили им пронести через границу (снимок внизу).

А. Ситковский

ОСЕНЬ

Ветер тронул листья
Серебристой рябью,
И, ему подсвистывая,
Отозвался зяблик.

Ласточки умолкли,
Улетели к морю,
Только сосны колкие
Шепчутся на взгорье.

Выбоины стынут
Замутненной влагой...
Был здесь при долине
Пионерский лагерь.

Увезли палатки,
Кончен летний роздых.
Воздух слаще сладкого —
Родниковый воздух!

Над озимой пашней
Песням как не литься?
Как ребятам нашим
Не спешить учиться?

Мы для них построили
И дворцы и школы,
Вырастут героями,
С закаленной волей.

Станут инженерами,
Лучшими рабочими,
Всюду будут первыми —
Светлых дней проходчики!

Первый раз в школу...
Фотоэтюд Е. Микулиной

М. Гольдберг

НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ

Фото А. Рахмиловича, Б. Уткина, Э. Хаикина и Р. Мазелева

1 ноября Москва должна получить ток из Углича. Вступит в строй одна из мощных гидростанций «Большой Волги». Об этой дате—1 ноября—часто вспоминают здесь, в Ленинграде, на Выборгской стороне, в цехах металлического завода имени Сталина:

— Знаменитый будет день! На всесоюзный экзамен выйдем!

Все гидростанции Советского Союза оборудованы турбинами марки прославленного ленинградского завода. Огромное здание из бетона и стекла на берегу Невы—родоначальник всех новых ГЭС нашей страны. Последние же годы завод был занят главным образом выполнением заказов для «Большой Волги». Турбины проектной мощностью в 70 тысяч киловатт, которые монтируются сейчас в Угличе,—продукция этого завода.

Туда, где работают отцы, приходят и сыновья... Есть целые семьи, неразрывно связавшие свою судьбу с судьбой завода. На фото: в центре — стахановец-точильщик инструмента М. Реунов; слева — его сын Владимир, слесарь-лекальщик; справа жена Владимира — планировщица инструментального цеха Лидия Реунова.

Таких турбин, какие построены здесь для Углича и строятся теперь для Рыбинска, завод еще не выпускал. Диаметр рабочего колеса турбины—9 метров. Весит она 1250 тонн. Нужно 70 железнодорожных вагонов, чтобы вывезти ее из цеха. Собрать же такую турбину в заводском здании невозможно. Для этого пришлось бы значительно поднимать крышу.

В гидротурбинном цехе, где выполняются заказы «Большой Волги»... Обработка промежуточного вала мощной турбины.

Завод имени Сталина известен в стране как завод-втуз, как кузница высококвалифицированных кадров инженеров и техников. После дневной работы здесь слушают лекции крупнейших профессоров, занимаются в лабораториях, ставят научные опыты. Из стен заводского втуза вышел не один десяток специалистов, руководящих ныне крупнейшими предприятиями; многие из них награждены орденами и медалями.

Комсомольцы обсуждают график производства турбины для Угличской ГЭС.

Эта всеобъемлющая техническая грамотность основных кадров и помогла заводу, когда правительство поставило перед ним задачу — дать турбины для «Большой Волги».

Задача была почетна, но трудна.

Грандиозность цифры — 70 тысяч киловатт—ошеломляла.

Старики вспоминали прошлое завода. Между 1907 и 1916 годами было выпущено 26 турбин. И мощность всех этих 26 машин равнялась 7 тысячам киловатт. А тут одна турбина, а мощность в 10 раз больше!

Над проектом трудилась группа инженеров, которую возглавил молодой специалист-орденоносец, питомец заводского втуза, Н. Ковалев. Комсомолец-инженер Э. Фельд разработал стахановскую технологию. Пришлось отказаться от некоторых застарелых приемов, сломать нетороплиwую, изжившую себя последовательность, когда новая деталь изготовлялась не раньше, чем была готова предшествующая. Было установлено, что можно одновременно обрабатывать на станках разные части турбин и потом монтировать их. Все зависело от точности расчетов. Несмотря на колоссальные размеры деталей точность в турбостроении измеряется десятыми и сотыми долями миллиметра.

Комсомольцы взяли шефство над выпуском турбин для Углича и Рыбинска. Организовался «пост контроля над заказами «Большой Волги». Комсомольцы-постовики изучали чертежи, вникали в сложные расчеты. Один стал специалистом по лопастям, другой—по валам, третий—по направляющему аппарату турбины.

Когда приступили к стройке первой турбины, считали, что на это дело уйдет около года. Стахановцы предложили сократить запланированный срок до пяти с половиной месяцев.

Стахановский расчет оказался правильным. Первая турбина для Углича была готова через пять с половиною месяцев, над второй работали еще меньше—четыре с половиною. В конце июня, выполнив полугодовую программу, завод сдал заказчику третью мощную турбину. Она предназначалась уже для Рыбинской ГЭС.

Революционные, новаторские методы производства вдохновили не только молодежь, но и старых кадровиков.

Мы познакомились с мастером сборки Дмитрием Васильевичем Поляковым. Этот человек, отдавший 40 лет производству, накопивший огромный опыт, пропустивший через свои руки детали всех советских гидротурбин,—этот заслуженный ветеран завода не побоялся заново пересмотреть прежние методы своей работы. Бригада Полякова вместе с бригадой Трофимова—знатного стахановца, награжденного медалью «За трудовую доб-

вить», — собрала рабочее колесо первой турбины за 26 суток, второй — за 18 и колесо третьей турбины — за 10 суток.

Между стропилами цеха, над участком, где работают бригады Полякова и Трофимова, поблескивая золотым шитьем, алеет знамя. На знамени вышито:

> *ПЕРЕХОДЯЩЕЕ ЗНАМЯ*
> *Передовому участку — за лучшие показатели стахановской работы.*
> *От дирекции и завкома.*

— Третий месяц держат, — говорит заместитель начальника цеха инженер тов. Юнак. — А вот удержат ли четвертый, не знаю. Теперь, после Указа, борьба за знамя будет серьезнее.

— А разве до этого было несерьезно?

— Еще как серьезно! Люди, бывало, из последних сил напрягались, чтоб не допустить срыва графика. А угрозу плану создавал какой-нибудь летун, которому было наплевать на завод. Был у нас такой токарь — Михайлов. Поручили ему расточку турбинного вала... Прогулял и сорвал задание. Вот из-за одного этого Михайлова сдали турбину на 3 дня позже, чем могли бы. Ну, а теперь это кончилось. Мастера, бригадиры почувствовали себя увереннее... Работали неплохо, а будем работать еще лучше.

Разговор происходит в маленькой застекленной конторке. Здесь штаб гидротурбинного цеха. Штаб связан прямой диспетчерской связью с 30 важнейшими участками. Пульт диспетчера в нескольких шагах от нас. Диспетчер, наклонясь к микрофону, вызывает поочередно агрегаты, узлы, контрольные посты... Из репродуктора доносятся голоса мастеров, слесарей, монтажников.

Сегодня суббота. И диспетчер жадно ловит весточки о производственных достижениях. Все они войдут в итог трудовой недели.

Быстро скользит по бумаге карандаш диспетчера. Токарь-стахановец тов. А. Смирнов закончил обработку втулки рабочего колеса второй турбины, предназначенной для Рыбинской ГЭС. Смирнов обработал втулку за 130 часов вместо 180, положенных по норме. Бригада Трофимова была занята монтажом кольца направляющего аппарата турбины. Новые нормы трофимовцы выполнили на 140 процентов. Со второго участка сообщают об успехе токаря тов. Якушева. Обрабатывая угольники по заказу «Большой Волги», он выполнил норму на 175 процентов.

Инженер Юнак берет листок из рук диспетчера.

— При такой производительности, — говорит он, — мы дадим стране сверх плана 1½ турбины.

Часовая стрелка приблизилась к 4.30. Станочники, сменившись, спешат к умывальникам. Через несколько минут асфальтовые дорожки, ведущие к проходной, заполняются народом.

Сквозь проходную бьет человеческий поток. Идут седоусые мастера, сговариваясь насчет завтрашней рыбной ловли («В Юках, говорят, рыбы пропасть!»). Группа девушек собирается сегодня на танцы в Дом культуры. Торопятся к поездам дачники. Сотни рабочих, мастеров, инженеров завода имени Сталина снимают дачи в живописных окрестностях Ленинграда: на Всеволожской, в Ольгине, в Парголове.

У заводских ворот столпилась группа юношей и девушек. На них спортивные майки. Они собрались ехать в центр города — на площадь Урицкого: там сегодня репетиция парада — демонстрации силы советской молодежи.

Светлоголубое небо, источавшее весь день потоки зноя, заволакивается прохладной облачной дымкой. Упали первые капли... Выходящие из ворот подтрунивают над физкультурниками:

— Запасайтесь зонтиками!

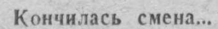
Но физкультурники несклонны впадать в уныние:

— Погодка будет как по заказу!

И действительно, воскресный день выдался на славу. Промытый воздух искрился солнечным блеском. Город звенел и пел. Свежий балтийский ветер радостно трепал шолк транспарантов и флагов. Со всех концов великого города Ленина шли к Зимнему дворцу отряды стройных юношей и девушек.

В эти часы тихо было на Выборгской стороне. В гигантских цехах не раздавался визг и скрежет металла. Неподвижно застыли в высоте краны. Казалось, что завод, как усталый путник, на минуту забылся сном, чтоб бодро вскочить, едва солнечный луч нового дня коснется его...

Кончилась смена...

Физкультурники завода имени Сталина проходят по площади Урицкого.

Это втулка рабочего колеса турбины для Рыбинской ГЭС. Токарь-стахановец А. Смирнов обработал втулку за 130 часов вместо 180, положенных по норме.

Надежда Рославлева

ВАЛЕНТИНА

РАССКАЗ

Иллюстрации худ. Ю. Цишевского

Мать только что вернулась домой и ставила в кувшин букет черемухи.

Черемуха была тяжелая, пахучая и мокрая от дождя. Почему-то она никак не умещалась в кувшине. Мать, не оборачиваясь, сказала:

— Валя, помоги же мне...

Валентина неохотно оторвалась от книги и подошла к матери. Но вдруг кувшин выскользнул из рук, упал, обрызгав паркет светлыми струйками воды, а мать... мать тоже упала, даже не пошатнувшись, только раскинув руки в розовых рукавах.

— Мама!..

Валентина попробовала поднять ее, но не смогла и побежала за соседкой.

Как-то сразу в квартире появились чужие, пришел врач, Валентину увели. В комнатах пахло черемухой, которую в суматохе растоптали ногами.

●

Через три дня приехал отец.

Валентина не видела его давно, знала, что он живет в другом городе, что у него другая жена. Когда он вошел, она вежливо поздоровалась с ним и не заплакала, потому что проплакала всю ночь да и вообще не любила плакать при посторонних.

Отец был еще совсем молод, в простом сером костюме, и хотя он был искренно огорчен, но глаза его все-таки блестели той радостью жизни, какой они блестят у всех здоровых, удачливых и веселых людей.

После похорон, оставшись вдвоем с дочерью, он сказал ей:

— Теперь ты поедешь ко мне. Я уверен, что ты подружишься с моей женой. А по маме так сильно горевать не надо, у нее был порок сердца, и она все равно бы недолго прожила.

Валентина вежливо и покорно улыбнулась:

— Я понимаю, папа.

Тоненькие светлые косички торчали у нее как-то особенно благонравно. Отец погладил ее по косичкам и совсем растрогался:

— Ты ведь у меня одна, Валюська!

Валентина вздохнула: она была бы непрочь, если б у отца были еще дети: было бы с кем играть. А так—скучно...

Вечером они сели в поезд. И тогда только Валентина спросила:

— А в какой город мы едем?

— В Севастополь.

Се-вас-тополь. Тополь—это дерево. Город Севастополь—там растет высокий тополь. А может быть, вовсе и не растет никакой тополь? Может быть, растет береза?

— Папа, — спросила Валя,— в Севастополе растут тополи?

Отец не понял и мягко посоветовал:

— Спи, девочка!

Валя устроилась поудобнее на дорожном матрасике и закрыла глаза. Очень хотелось, чтоб приснилась мама. Но мама не приснилась.

●

Дорога была интересная. Летели в окно искры, дул ветер, на станциях продавали пирожки и лимонад. Казалось, что дороге не будет конца. Валентина уже привыкла к вагону, как к своей квартире, и только мыться было неудобно, потому что очень трясло и вода текла за шиворот. Соседи по купе были тоже довольно интересные. Одна дама всю дорогу со всеми ссорилась. Другая необычайно много ела. В Курске она слезла и на ее месте появилась новая, очень красивая. Валентина заметила, что отец не отрывает от нее глаз, это смутило ее, и она отвернулась к окну.

— Вы едете в Севастополь?—спрашивал отец у красивой дамы.

— Да, через Севастополь в Ялту.

— В дом отдыха?

— О, нет, я не люблю домов отдыха. Я—сама по себе. Просто сниму комнату и буду жить.

В Харькове отец вышел из вагона, вслед за ним вышла и дама. Они долго не возвращались, а поезд между тем тронулся. Валентина испугалась, но ее успокоили:

— Вероятно, сели в другой вагон.

Действительно, так и было. У отца сильнее обычного блестели глаза, когда он вернулся в купе.

— Обедали на вокзале и чуть не опоздали на поезд,—сказал он.

Валентина поглядела на женщину, в ней было что-то неуловимо похожее на мать, но она была гораздо красивее, выше ростом, моложе. У нее была легкая походка. Но у нее были странные глаза: удивленные и пустые—и одна бровь заметно выше другой.

●

В Севастополь приехали утром. Отец завез Валентину к себе и сейчас же ушел на работу.

Валентина сидела за столом и пила чай. Худенькая женщина в белом платье сидела возле нее.

Нельзя было понять, рада ли она приезду Валентины. Встретила приветливо, но так просто, как будто видела уж не первый раз. Накрыла на стол, подала тарелку с черешнями, масло и копченую колбасу. Когда Валентина поела, женщина подсела к ней ближе и стала негромко рассказывать о себе, о своей жизни здесь. Говорила она с Валентиной как со сверстницей.

— Сегодня мой выходной, поэтому я дома. А вообще я работаю в Музее революции. Мне двадцать шесть лет, а тебе сколько?

— Одиннадцать. Скоро будет двенадцать.

— Я раньше жила в Ленинграде. Там и училась. Потом полюбила твоего отца и вышла за него замуж. Он очень хороший человек, твой отец,—сказала она твердо, точно убеждая кого-то,—очень, очень хороший!

— Как вас зовут?—спросила Валентина.

— Еленой Георгиевной. Твой отец называет меня Аленушкой. Ты можешь меня звать так же.

Потом она заговорила о том, как хорошо жить в этом городе, какие здесь осенью бывают штормы и как хороша весна с мимолетными теплыми дождями и ярким солнцем.

В комнате было чисто, ни пылинки, и на столе, покрытом пестрой скатертью, стоял букет весенних цветов — диких маков, красных, с черной сердцевиной, облетающих при малейшем дыхании.

— Вот отдохнешь с дороги, пойдем с тобой на Приморский бульвар, увидишь море. Ты ведь никогда не видела моря?

— Видела, — почти враждебно сказала Валентина, — в Петергофе.

— Ну, то — совсем другое. А здесь Черное море.

Эта женщина была до того искренна и проста, что даже Валентина могла показаться перед ней замкнутой и хитрой. Да Ва-

---

Лев Ошанин

* * *

Давай уедем в дальние края,
За две реки на медленных паромах.
Оглянемся — и только ты да я,
Да несколько деревьев незнакомых.

Как будто снова встретившись, начнем
Расспрашивать друг друга с нетерпеньем.
И все забыв, не помня ни о чем,
Ловить неповторимые мгновенья.

И в час, когда совсем тиха листва
(Простое счастье дней полузабытых!),
Знать выраженье глаз твоих закрытых,
Несказанные угадать слова.

А хочешь, не поедем никуда.
За мелким горем радости не пряча,
Ты просто улыбнешься мне иначе,
И станет все, как прежде, как тогда...

лентина и не была искренной девочкой. Она знала, что ее мать не любила эту женщину, и причину этой нелюбви тоже, конечно, знала. И ехала сюда уже предубежденной против нее... Но она сидела тихо и благонравно, опустив глаза, и отвечала на вопросы вежливо и негромко, обдумывая каждое слово.

Простота этой женщины, однако, обезоруживала ее. Аленушка ничего не скрывала. Она была откровенна и прямодушна. И лицо у нее было милое, простое, не очень красивое. Слегка вздернутый нос, темные веснушки на щеках, светлые легкие волосы.

И скоро Валентина привыкла к ней и стала держаться непринужденно.

— Вы попудритесь,— посоветовала она.

— Зачем?

— У вас нос блестит,— сказала Валентина.

— Неправда! Совсем не блестит,— рассердилась Аленушка,— и вообще я никогда не пудрюсь.

— А вот мама пудрилась.

Помолчав, Аленушка спросила:

— Твоя мама так и не вышла замуж?

— Нет, не вышла.

Валентина не хотела рассказывать о том, что мама всю жизнь любила ее отца. И потому все так получилось... А теперь мама умерла, и не хочется говорить о ней с чужими. О маме можно думать только по ночам, когда никто не мешает.

— А я ведь знаю твою маму,— сказала Аленушка.

— Ничего вы не знаете.

— Нет, знаю. Один раз я встретилась с ней. Я просила у нее прощения. Мы тогда всю ночь ходили по городу. Это было в апреле... Холодный ветер был и звезды... И ходили мы по Васильевскому острову...

— Выдумываете,— строго сказала Валентина, и по щекам у нее потекли слезы.

— Нет, я говорю правду. Ну, надевай шляпу, пойдем на Приморский бульвар.

•

Поздно вечером вернулся отец. Валентина уже крепко спала и не слышала разговора за стеной. А утром, когда проснулась, уже закипал на столе электрический чайник и пора было вставать.

Аленушка помогала ей одеваться и говорила:

— Позавтракаем, потом я пойду на работу, а в три часа освобожусь и поедем в Балаклаву. Или в Инкерман. Нет, лучше в Балаклаву.

— Бала-клава,— повторила Валентина.— У меня подруга по школе была Клава. Плохо училась по арифметике, а брат у нее был моряк.

Вошел отец, молча ел яичницу, лицо у него была странное, виноватое. С Валентиной не разговаривал и сразу после чая ушел. Валентина посидела в комнате, порылась в книгах, потом вышла в кухню и очень быстро перезнакомилась с соседями. Сразу нашла много дел. Подмела в комнате пол, переменила воду для цветов, вытерла везде пыль и перемыла посуду. Не заметила, как пролетело время, и очень удивилась, когда пришла Аленушка.

— Валюшка, едем в Балаклаву.

— А папа?

— Обед готов, ему только подогреть. Да и нескоро придет он.

Аленушка нахмурилась при упоминании об отце — это Валентина зорко подметила, но промолчала.

Они сели в автобус и поехали в Балаклаву. Автобус мчался по залитой асфальтом дороге между гор. Валентина блаженствовала, глядя в окно. Автобус остановился на балаклавской площади. Запахло морем, водорослями...

Ну, конечно, Валентина сразу же нашла огромную мохнатую гусеницу и занялась ею. Оказалось, что Аленушка тоже любит собирать гусениц и жуков и что у нее даже есть с собой пустая коробочка для подобной добычи.

Они вместе швыряли камни в море и слушали плеск воды. Вместе обсуждали, чем кормить гусеницу. Вместе ели взятые из дому бутерброды с брынзой. Аленушка рассказывала о своей работе в Музее, о восстании «Потемкина», и Валентина, которая знала о девятьсот пятом годе только то, что это была дата рождения ее матери, слушала с любопытством...

•

Валентина еще не привыкла к отцу, и ее удивило, когда он встретил ее ласковый, нежный и грустный:

— Где ты была, Валюська?

Валентина показала ему гусеницу, он поморщился и прижал к себе голову дочери. Она осторожно отстранилась и посмотрела ему в глаза.

— Валюська, — сказал он,— ты одна у меня осталась. Ты любишь меня?

— Люблю,— вежливо ответила Валентина.

— Я тоже тебя люблю,— сказал он, ничего не заметив,— очень люблю.

Помолчав, он спросил, понравилась ли ей Елена Георгиевна.

— Ничего...

Он замолчал уже надолго, а потом проговорил, глядя куда-то мимо Валентины:

— А та дама... с которой мы, помнишь, ехали вместе от Курска... Понравилась она тебе?

— Она очень хорошенькая,— сказала Валентина.

Она заметила, что отец покраснел, что он смущен, и это удивило и позабавило ее.

— Ну, так вот...— он перевел дыхание и отвернулся.— Хорошо, я потом тебе скажу... Иди играй.

Но Валентина уже все поняла.

...Аленушка уронила цветы и заплакала...

•

Через несколько дней отец взял ее с собой на прогулку. Они шли по проспекту Фрунзе, потом поднялись на верхние улицы. Здесь было тенисто и прохладно от густо разросшихся деревьев. Валентина смотрела по сторонам веселыми любопытными глазами. Вдруг она увидела ту женщину, с которой они вместе ехали в поезде. Значит, она не уехала в Ялту. Дама поглядела на них, смуглое лицо ее порозовело, она хотела пройти мимо, но отец остановил ее и о чем-то долго с ней говорил. Валентина стояла поодаль и смотрела, как ребята играют в мяч. Потом отец подошел к ней и взял ее под руку. Она взглянула на него: он улыбался, и глаза его блестели.

— Валюська, — сказал он,— ты понимаешь... Нет, ты ничего не понимаешь...

— Я все понимаю, папа,— спокойно перебила Валентина.

— Все?

— Все.

— Ну, пойдем есть мороженое.

— Нет, спасибо, не хочется.

•

Аленушка плакала.

Валентина застала ее, плачущую, врасплох, испугалась и хотела уйти. Но она уже утирала слезы и улыбалась.

Последние дни она плакала все чаще и чаще и тогда становилась похожей на девочку, беззащитную и обиженную. Так плакала когда-то мать Валентины. И тоже никому не жаловалась.

Как всегда, Аленушка уходила по утрам в свой Музей, в три часа возвращалась и шла с Валентиной гулять. Обедали в столовой или в Приморском саду, под акациями. Ездили в автобусе в Херсонес или садились на пароходик и переплывали на Корабельную сторону.

Однажды, гуляя, встретили отца с той женщиной и поспешно, не сговариваясь, свернули в переулок.

Аленушка сказала:

— Наверное, мы с тобой скоро расстанемся, Валечка.

Валентина промолчала.

•

Отец гладил Валентину по ее смешным тощим косичкам и говорил:

— Валя, я разведусь с Еленой Георгиевной. Мы поедем с тобой в Курск, будем там жить.

Валентина молчала, теребя указательным пальцем свой нос.

— Я женюсь на Ольге Сергеевне. Она очень хороший человек и будет тебя любить.

Помолчали. Валентина вдруг ясно и смело взглянула на отца и звонким, веселым голосом спросила:

— Значит, ты ее бросаешь так же, как бросил мою маму?

— Валентина!.. Кто тебя научил говорить такие вещи?

— Никто не учил. Я сама.

— Ты говоришь глупости. Никто никого не бросает. Я полюбил другую и... Впрочем, ты еще слишком мала, чтобы рассуждать о таких вещах. Собирайся в дорогу, мы завтра едем.

— Я никуда не поеду,— сказала Валентина.

— То есть как это не поедешь?

— Так. Я останусь с ней. А вы можете уезжать, куда хотите.

— Валентина...

— Я знаю, что я Валентина,— дерзко сказала дочь.

Она вскочила и побежала к мачехе. Аленушка ставила в вазу букет принесенных с базара цветов. Как она похожа была сейчас на мать!

Валентина обняла ее так крепко, как только могла. Аленушка уронила цветы и заплакала.

— Я все, все знаю...— зашептала Валентина.— Не плачь, не плачь...

И, целуя ее мокрые щеки, она сказала, что не поедет с ними, что останется с нею.

— Ведь я вам не помешаю, правда? Если, например, вы захотите опять выйти замуж, так что же? Я буду рада. Вдруг у вас будет маленький, а? Я буду его няньчить.

— Валечка, отец не захочет оставить тебя со мной.

— Все равно останусь,— сказала Валентина.— Он не имеет права силой... И потом я же там буду лишняя. Я останусь с вами... Аленушка, милая...

Аленушка плакала и улыбалась сквозь слезы. Она знала, что это желание неисполнимо, но ей не хотелось огорчать девочку.

— Хорошо, оставайся,— сказала она.

И, поспешно отвернувшись к окну, долго стояла молча, чуть заметно вздрагивая от нестерпимой, великой женской скорби, которую Валентина не могла еще ни понять, ни представить.

Урожай

Фото А. Скурихина, В. Гребнева

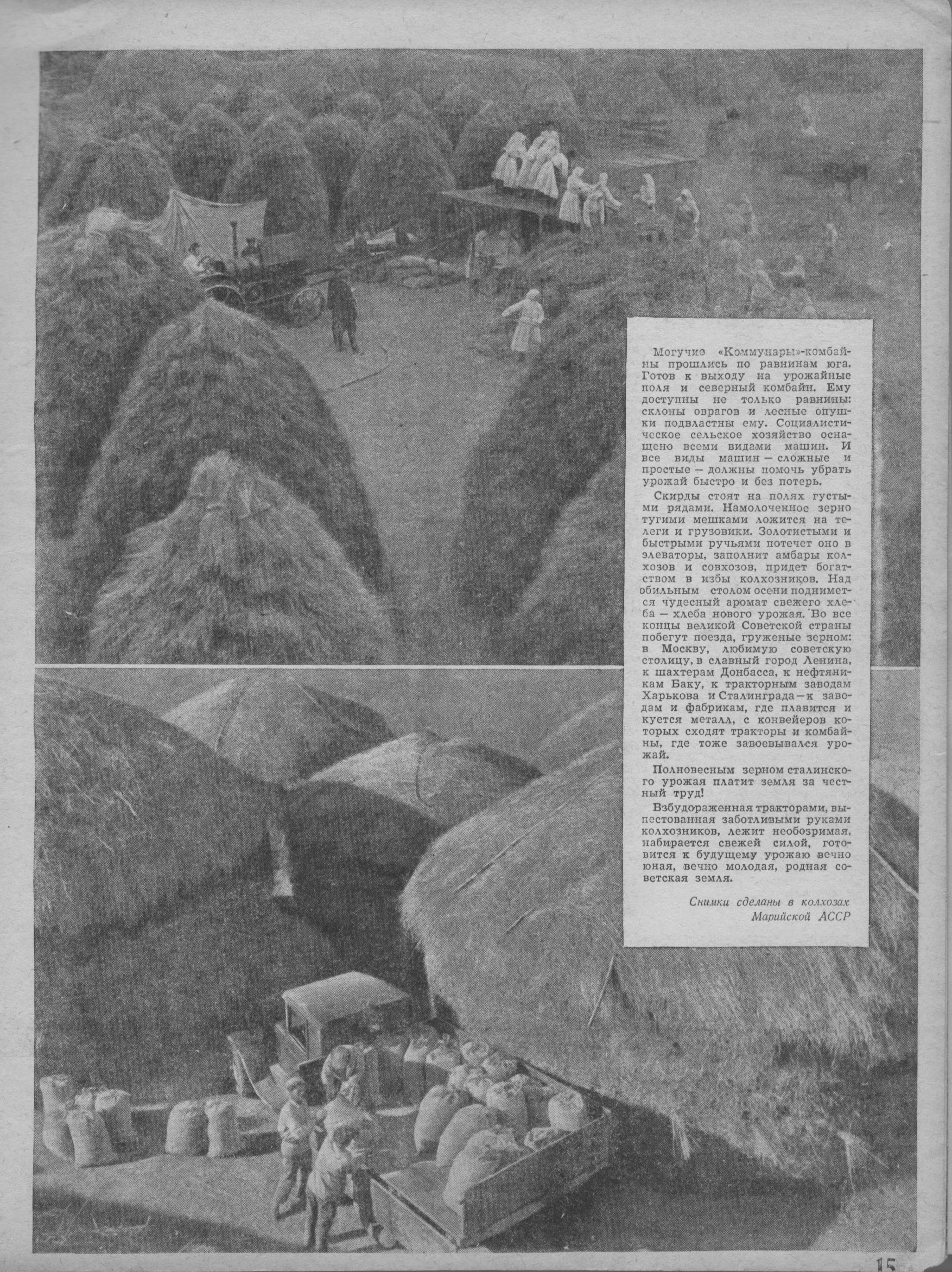
Согретые солнцем, напоенные влагой, гнутся на ветру полновесные колосья хлебов. Низко проходят над ними легкие, летние облака.

Созрели хлеба на юге, на полях Кавказа и Крыма, на урожайных просторах Украины. Высоко поднялся навстречу солнцу добротный урожай на кубанской земле. Еще немного времени, и зашумят могучие хлеба Сибири, встанут во весь рост колосья хлебов северных районов страны.

Хлеб! Сколько народного горя впитало за долгие века это слово!.. Горький хлеб... Тяжкий хлеб... С трудом пробивалось к солнцу хилое зерно на клочках земли, вспаханных деревянной сохой. Радостная пора осени омрачалась нищенским урожаем — страшным предвестником нужды. И все это навсегда ушло в прошлое и осталось только в старых картинах и книгах, старых, грустных песнях народа.

...Упорный труд завоевывает щедрые всходы. Только начинается весна, еще лежат поляны чернеющего снега, а славная армия колхозников уже готовит будущий урожай. Передовая и смелая наука, сильные и точные машины, честный и заботливый труд коллектива молодят землю, готовят ложе чистому, отборному зерну.

Хлеб созрел. Начинается горячая пора уборки. Нельзя растягивать уборку: хлеб может осыпаться, его прибьют к земле ветры и дожди.

Могучие «Коммунары»-комбайны прошлись по равнинам юга. Готов к выходу на урожайные поля и северный комбайн. Ему доступны не только равнины: склоны оврагов и лесные опушки подвластны ему. Социалистическое сельское хозяйство оснащено всеми видами машин. И все виды машин — сложные и простые — должны помочь убрать урожай быстро и без потерь.

Скирды стоят на полях густыми рядами. Намолоченное зерно тугими мешками ложится на телеги и грузовики. Золотистыми и быстрыми ручьями потечет оно в элеваторы, заполнит амбары колхозов и совхозов, придет богатством в избы колхозников. Над обильным столом осени поднимется чудесный аромат свежего хлеба — хлеба нового урожая. Во все концы великой Советской страны побегут поезда, груженые зерном: в Москву, любимую советскую столицу, в славный город Ленина, к шахтерам Донбасса, к нефтяникам Баку, к тракторным заводам Харькова и Сталинграда — к заводам и фабрикам, где плавится и куется металл, с конвейеров которых сходят тракторы и комбайны, где тоже завоевывался урожай.

Полновесным зерном сталинского урожая платит земля за честный труд!

Взбудораженная тракторами, выпестованная заботливыми руками колхозников, лежит необозримая, набирается свежей силой, готовится к будущему урожаю вечно юная, вечно молодая, родная советская земля.

Снимки сделаны в колхозах Марийской АССР

ПОЛЕ НАРОДНОЙ СЛАВЫ

Фото Е. Микулиной
Текст капитана Б. Каца

В ста двадцати двух километрах от Москвы, на запад от Можайска, раскинулась огромная, слегка всхолмленная равнина с массивом зреющих колхозных полей, окаймленная со всех сторон лесом. Это — Бородинское поле.

Памятник 3-й пехотной дивизии.

В центре равнины, вдоль извилистых берегов Колочи, небольшое селение Бородино, именем которого названо знаменитое сражение, воспетое в народных сказаниях и в творениях наших величайших писателей и поэтов: Л. Н. Толстого, Пушкина, Лермонтова.

Все тихо и мирно сейчас на Бородинском поле. Но каждая складка местности, многочисленные памятники, остатки укреплений говорят о былой буре величайшего в истории XIX века сражения 7 сентября 1812 года, всю мощь, все величие и весь ужас которого великий русский поэт Лермонтов выразил в бессмертных строках своего стихотворения «Бородино»:

«Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел!»

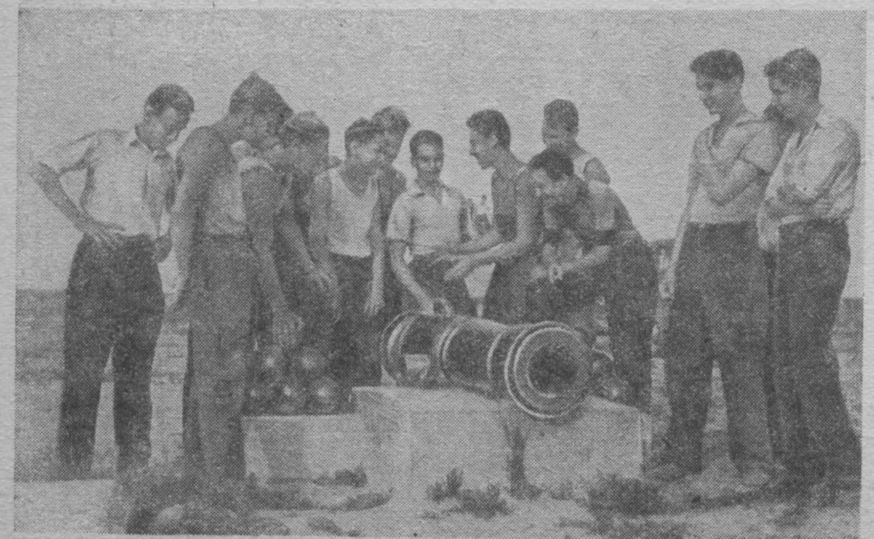
Бородинское поле — поле народной славы, священное место для нашего народа. Здесь впервые армия Наполеона, до того победно прошедшая по всем полям Европы, получила сокрушительный удар.

В центре поля, близ колхоза Бородино, против центральной высоты, на которой стояла батарея Раевского, расположен красивый домик в стиле ампир, на фронтоне надпись «Музей Бородино». У входа по обеим сторонам скрещенные палаши.

В небольших уютных залах Бородинского музея собран интересный материал об Отечественной войне 1812 года. Осматривая картины, гравюры, оружие тех времен, боевые знамена, овеянные пороховым дымом сражений, невольно переносишься в давно ушедшую эпоху.

На Бородинском поле в разных местах установлено 34 монумента. Все они возведены в 1912 году, в сотую годовщину сражения, на средства бывших одноименных полков, почтивших память своих доблестных предков. Монументы эти простые, но величественные.

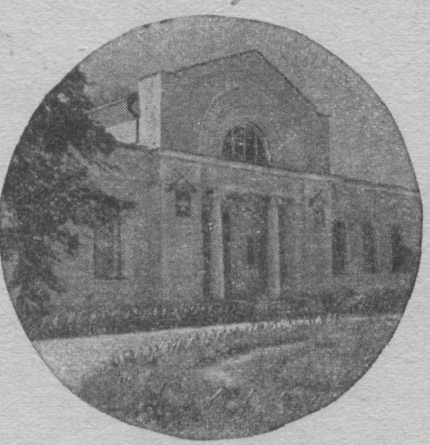
Недалеко от станции Бородино, у дороги, ведущей в Семеновское, высится гранитная глыба — памятник гвардейскому литовскому полку. В простых суровых формах камня воплощен глубокий смысл: гранитный куб — символ несокрушимой мощи каре (каре — строй ввиде четырехугольника для стрельбы во все стороны по атакующей коннице). Об эти каре разбились отчаянные атаки отборной французской кавалерии. На одной из сторон памятника высечена выписка из рапорта генерала Коновницына, доносившего фельдмаршалу Кутузову о беспримерном мужестве и доблести русских гвардейских полков.

Экскурсия на батарее Раевского.

Вид на Бородинское поле с памятника 7-й пехотной дивизии.

Музей Бородино.

В колхозе Горки на холме высится памятник Кутузову. Отсюда он руководил Бородинским сражением. На вершине гранитного обелиска парящий орел. По преданию, в момент объезда русских войск, накануне сражения, над Кутузовым парил орел.

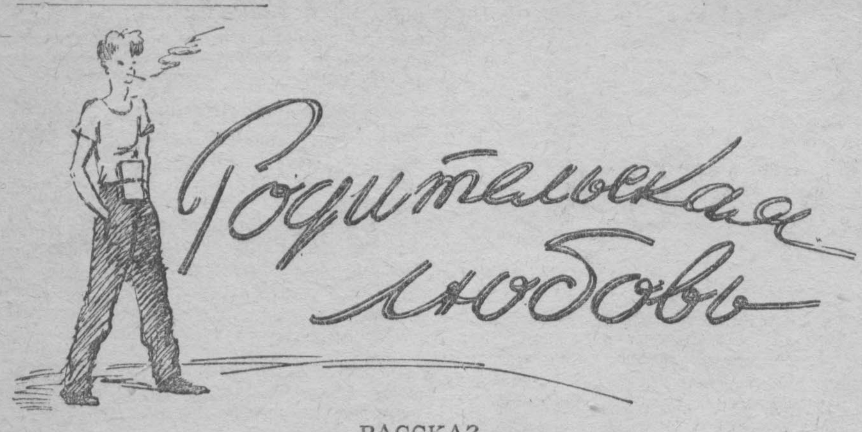
У Шевардинского редута на высоте стоит массивный гранитный обелиск. Надпись на французском языке гласит: «Мертвым великой армии». Этот памятник поставлен французским правительством в сотую годовщину Бородинского сражения на месте командного пункта Наполеона. Отсюда император наблюдал за ходом сражения, сюда с донесениями спешили адъютанты со всех концов поля боя и мчались обратно с распоряжениями императора. Воспаленными глазами смотрел Наполеон на долину, где подобно буре бушевала битва, где страшный противник, отражая направленные на него удары, опрокидывал все лучшие французские дивизии, и сквозь рассеивающийся дым императору было видно, как его войска, гонимые русскими, убегали обратно в лес, ища там спасения. Позади императора стояла блестящая свита, потрясенная картиной невиданного сражения.

Бородинское поле — излюбленное место экскурсий. Весь день по центральному участку поля ходят экскурсанты, осматривая остатки укреплений, памятники, посещают музей. Экскурсоводы, сопровождающие группы, рассказывают о величайшем сражении, знакомят с блестящей страницей истории нашей родины, вызывающей чувство гордости за геройство и храбрость ее доблестных защитников.

НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ: 1. Памятник 2-й гвардейской конной батарее. 2. На батарее Раевского. 3. Памятник на Багратионовых флешах. 4. Памятник гвардейскому литовскому полку. 5. Монумент на командном пункте фельдмаршала М. И. Кутузова. 6. Памятники на Утицком кургане. 7. Деталь памятника павловским гренадерам. 8. Вид на Шевардинский редут. 9. Памятник частям русской конной артиллерии. 10. Памятник французской армии на месте командного пункта Наполеона.

Евг. Бермонт

Родительская любовь

РАССКАЗ

Иллюстрации худ. Ю. Цишевского

В кабинет директора школы вошла полная женщина с тем напряженным выражением лица, которое обычно можно наблюдать у клиентов народного суда или у пациентов зубного врача.

— Вы меня вызывали, — сказала она, подходя к столу. — Я мать ученика девятого класса Скворцова...

Директор Василий Афанасьевич Щеглов заметно оживился:

— Ах, наконец, вы пришли... Садитесь, прошу вас... Должен сообщить вам очень огорчительные сведения...

Посетительница удивилась:

— Огорчительные?!

— Да, весьма... Ваш сын...

Но мамаша не дала ему договорить:

— Ах, не терзайте сердце матери!.. Что случилось?!. Неужели мой Пашенька шалит?!

— Видите ли, ваш сын...

— Шалит!

Директор рассердился:

— Слово «шалит» подходит к ребенку, а не к такому усатому парню, как ваш верзила. К нему более подходит слово «хулиганит».

Посетительница даже приподнялась от неожиданности:

— Усатый парень?! Мой Паша?! Вы что-то путаете, товарищ...

— Нет, я ничего не путаю, товарищ. Вашему сыну, Скворцову Павлу, семнадцать лет...

— Шестнадцать с половиной, — поправила мамаша. — Но ведь он еще дитя, товарищ директор... Я помню: вот-вот совсем недавно он лежал голенький в своей постельке и так мило дрыгал ручками и ножками...

В ее взгляде светилось такое нежное умиление, что директор попытался представить себе бородатого Скворцова, дрыгающего огромными ручищами и ножищами в колыбельке величиной с речной трамвай.

Но это усилие вызвало в представлении Василия Афанасьевича совсем другую картину.

— Голеньким я вашего сына не видел, — сказал он, — но как он мило дрыгал ручками и ножками, избивая ученика седьмого класса Дрожкина, наблюдал.

На лице Скворцовой изобразился крайний ужас:

— Избивал?!. Ученика седьмого класса?! Ай-яй-яй!.. Бедный мальчик!..

— Да, мальчик пролежал три дня в постели.

Скворцова удивилась:

— Какой мальчик пролежал три дня в постели?

— Дрожкин, конечно...

Посетительница досадливо передернула плечами:

— При чем тут ваш противный Дрожкин?.. Я говорю о своем сыне... Бедный, бедный мальчик, как он, должно быть, нервничал, избивая этого бандита... Наказать бы надо этого Дрожкина!

Директор ощутил в себе страстное желание вытолкать посетительницу из кабинета и надавать ей на лестнице тумаков. В этот момент он пожалел, что он директор школы, а не какой-нибудь вихрастый пятиклассник, именно так разрешающий наиболее сложные психологические конфликты.

Увы, увы! Василий Афанасьевич должен был сдержаться.

— Простите, но вы... вы соображаете, что вы говорите? Ваш сын хулиганит, а наказывать надо другого?! Если бы вы видели, как он ударил по уху этого несчастного Дрожкина...

Мамаша опять не дала ему договорить:

— Я вас просто не понимаю, товарищ директор... Я сама была на матче бокса и видела, как один совсем взрослый парень ударил другого по уху, и ему за это еще цветы преподнесли...

— Но то же бокс, а у нас средняя школа! — завопил несчастный директор.

Посетительница милостиво улыбнулась:

— Ну так не преподносите ему цветов. Разве я настаиваю?

Директор вскочил, прошелся по кабинету, снова сел и ледяным, официальным голосом начал:

— Я пригласил вас, гражданка, чтобы сообщить о безобразном поведении вашего сына. Он хулиганит, ругается, грубит учителям...

Мамаша издала слабый стон:

— Грубит учителям?! Мой Пашенька?! Что вы?! Это такой ласковый ребенок... Когда ему было полтора года...

Но Василий Афанасьевич бесцеремонно оборвал ее лирические воспоминания:

— Довольно! Вы бы еще стали рассказывать о том доисторическом времени, когда вам было полтора года...

Посетительница обиделась:

— На что вы намекаете, товарищ?

— Мне некогда заниматься намеками, гражданка. Повторяю: ваш сын грубит учителям. Учительнице французского языка он сказал, что она лает, как собака...

Мамаша только пожала плечами:

— Собака — друг человека. Чего тут обижаться?

— Собака — друг человека. Чего тут обижаться?

Директор вспылил:

— А обезьяна — тоже друг человека?

— А при чем тут обезьяна? — удивилась посетительница.

— Потому что ваш сынок другую учительницу назвал старой обезьяной!.. А вы, я вижу, не находите в его поведении ничего предосудительного...

Скворцова расстегнула свой большой желтый портфель, вынула оттуда сумочку, достала из сумочки платок, высморкалась и сказала:

— Конечно, мой Паша, может быть, несколько... ну... живой ребенок...

— Очень живой, — злорадно подхватил Василий Афанасьевич, — он так живо подделывает вашу подпись...

— Мою подпись? — снова удивилась мамаша.

— Да, вашу. В дневнике. Когда у него там плохие отметки, он сам расписывается за родителей. Как это называется, гражданка Скворцова?

Гражданка Скворцова мило улыбнулась:

— Детской самодеятельностью...

Директор схватился за голову.

Собрав остатки своего официального спокойствия, Василий Афанасьевич подчеркнуто вежливо спросил:

— А вам известно, что ваш сын курит?

— Нет, неизвестно. Но если это так, то виноваты вы: раз мальчик курит, вы обязаны его отучить.

Василий Афанасьевич безнадежно махнул рукой:

— Отучишь такого балбеса! Попробуйте сами...

Но мамаша от обороны уже переходила в решительную контратаку:

— И пробовала. Когда мне нужно было отлучить Пашеньку от груди, я его сразу отлучила.

— Но вы же, надеюсь, не в прошлом году его отлучали, — простонал директор. — Вы попробовали бы теперь его отлучить... Хотя бы от папироса... И, наконец, гражданка Скворцова, почему вы явились ко мне только на шестой вызов?

— Я очень занята.

— Где вы работаете?

Посетительница неожиданно заинтересовалась устройством замка в собственном портфеле.

— Я?.. Я... Гм... Я директор школы...

В первую минуту Василию Афанасьевичу показалось, что пикирующий бомбардировщик сбросил ему на голову зажигательную бомбу. Потом в его сознании мелькнула ядовитая мысль.

— Вот и прекрасно, — сказал он, довольно потирая руки. — Вы меня убедили. Скворцов Павел — действительно отличный школьник. Не смею его задерживать. Я сейчас оформлю его перевод к вам.

Скворцова вскочила и чуть не смахнула на пол портфель:

— Вы с ума сошли?!

— То есть, как сошел?

— Вы меня за дуру принимаете?! Такого хулигана я возьму к себе! Стану я засорять свою показательную школу!..

Василий Афанасьевич сделал примирительный жест рукой:

— Позвольте, вы же только что его защищали...

— Защищала! Квочка — и та защищает своих детей. Что же я, хуже квочки?.. А вы, пользуясь этим, хотите подсунуть мне этого бандита, этого испорченного мальчишку, этого... этого...

Она задохнулась. Директор, едва сдерживая смех, сказал:

— Ну, вы преувеличиваете... Павел несколько... ну... живой мальчик...

— Живой! — завизжала посетительница. — Он живой, а я от этого мертвая! Я из-за него три раза квартиру меняла! Меня в милицию таскали! А теперь вы хотите еще и мою школу испортить. Нет! Тридцать три раза нет! Сто раз нет! Шалишь! Дудки!

Она схватила портфель и вылетела из кабинета с быстротой торпедного катера. Директор долго и громко хохотал вслух, вызывая удивление гипсового Пушкина, стоявшего на столе.

Е. Борисов

СМОТРИТЕ, ПОКАЗЫВАЕТ МОСКВА...

Фото С. Шингарева

У ярко освещенного подъезда остановился автомобиль. В студию приехали артисты. Из широкого вестибюля они по устланному ковровой дорожкой коридору направляются в уютные артистические уборные. Появляются портные и портнихи. Из ручных чемоданов вынуты гримировальные ящики. Артисты готовятся к переодеванию.

К чему эти приготовления? Ведь перед микрофоном можно выступать без грима, в повседневном костюме.

Последуем за артистами на сцену, где им предстоит сегодня выступать. Войдя в студию, мы очутились в доме Баптисты Минолы. Это декорации, с которыми мы уже знакомы по постановке в театре Красной Армии. Сегодня идет пьеса «Укрощение строптивой».

Кажется, что мы попали в киносъемочный павильон. Те же декорации без рампы. Как и там, здесь нет зрительного зала, нет зрителей. Их, как и в киностудии, заменяет глазок объектива. Большой черный ящик на колесах установлен против своеобразной сцены. Так же, как микрофон в обычной радиостудии как бы представительствует от миллионной массы радиослушателей, и этот своеобразный аппарат соединяет студию с радиозрителями, которые увидят сегодня вечером на экране своих телевизоров комедию Шекспира.

Мы заглядываем в глазок аппарата, и перед нами на матовом стекле предстает в уменьшенном виде вся сцена с исполнителями, готовящимися к выступлению. Действие еще не началось. Оператор объясняет устройство своей волшебной камеры. Он поднимает капот и, указывая на большую колбообразную лампу, говорит:

— Вот это «сердце» камеры — иконоскоп, воспринимающий световые импульсы и преобразующий их в электрические. По проводам эти электрические импульсы поступают на радиопередатчик, посылающий их в эфир ввиде радиоволн. Телеприемник радиозрителя перерабатывает радиоволны — электрические импульсы — в световые и воспроизводит на экране то, что происходит в студии телецентра. Таково краткое, схематическое объяснение великого технического чуда — телевидения, — которое уже начинает входить в наш обиход.

Советские радиозрители вот уже больше года из вечера в вечер сидят у своих телевизоров, заменяющих им и театр, и концерт, и кинематограф. Пионеры советского телевещания — главный режиссер Степанов, режиссеры Дорменко и Бравко, помощник режиссера комсомолка Силина — аранжировали для телевидения наиболее интересные постановки московских театров. Перед камерой телеателье выступали артисты Большого театра, исполнявшие оперы «Иван Сусанин», «Хованщина». Выступали артисты театра имени Немировича-Данченко в опереттах «Перикола» и «Прекрасная Елена». Побывали здесь и артисты театра Вахтангова со своей постановкой «Ревизор», артисты театра Революции с популярным спектаклем «Павел Греков». Приезжали сюда для выступлений и лучшие силы нашей эстрады. Телезрители имеют возможность видеть все новейшие кинофильмы на экране своих телевизоров. Кино пришло к зрителям надом.

На втором этаже аппаратная — большое помещение, где стоят таинственные, глухие шкафы со множеством рычагов и кнопок. За металлическими стенками происходит сложная работа: чудесное превращение электрической энергии.

Через широкую стеклянную стену из аппаратной видна ярко освещенная студия, которую мы только что покинули. Оставаясь здесь, в аппаратной, можно проследить весь процесс передачи. Перед длинным пультом, растянувшимся вдоль стеклянной стены, расположился коллектив, руководящий передачей. Микрофон соединяет режиссера по телефону с оператором, находящимся в студии у своей камеры. На голове у оператора наушники.

На столе у режиссера размеченный экземпляр пьесы, превратившийся в процессе репетиций в телесценарий, точно определяющий все движения аппарата в продолжение спектакля (аппарат свободно и бесшумно передвигается по полу студии в любом направлении и кроме того легко подымается и опускается на штативе).

«...Смотрите, смотрите, показывает Москва! Через ультракоротковолновый передатчик, работающий на волне шесть и три сотых метра...— раздается голос диктора, возвещающий радиозрителям начало передачи.— Мы показываем сегодня монтаж комедии Вильяма Шекспира «Укрощение строптивой»...»

Через стекло мы видим начало действия и одновременно на небольшом экране на режиссер-

У телевизора в Центральном доме работников искусств (справа налево): депутат Верховного Совета СССР орденоносец П. Ковардак, скрипачка-орденоносец Лиза Гилельс и другие смотрят и слушают передачу монтажа спектакля «Укрощение строптивой».

Телепередача монтажа спектакля «Укрощение строптивой» Шекспира в исполнении артистов ЦТКА. Петруччио—артист В. Пестовский, Катарина—артистка Л. Добржанская.

Заведующий специальным освещением телевизионной студии Е. Пыжников за пультом.

ском пульте вся сцена возникает в уменьшенном виде.

— Встречайте Петруччио! — командует режиссер.

Оператор, следя через глазок аппарата за сценой, едет со своим аппаратом к артисту Пестовскому. На экране изображение артиста постепенно увеличивается...

— Езжайте навстречу и переходите на левую сторону,— продолжает распоряжаться режиссер, чтобы представить сцену диалога Катарины и Петруччио в наиболее выгодном раккурсе.

Аппарат послушно следует всем указаниям режиссера. Выражаясь терминологией кино, режиссер кадрирует сцену: он определяет раккурс: то приближает зрителя к действующим лицам, то удаляет его от них, то выхватывает наиболее существенную деталь.

Телевидение не нуждается в объемных декорациях. Как совершенно «натуральные» воспринимаются с экрана колонны или хотя бы книги на полках шкафа.

Мы грешили бы в правдивости своего описания, если бы опустили некоторые технические подробности, сопровождающие процесс передачи изображения по радио. Их легче будет объяснить, если призвать на помощь всем известные примеры из области радиовещания. В конце звуковой передачи часто приходится слышать: «Тонмейстер передачи такой-то»,— радиослушателям объявляют фамилию человека, который отвечает за качество звука, за его чистоту, за громкость. И в телестудии имеется человек — шеддинг-оператор,— отвечающий за чистоту и контрастность изображения. Во время передачи он неустанно следит за изображением на экране. Поворотом ручки на своем светопульте шеддинг-оператор устраняет возникающие подчас на экране пятна и затемнения. Изображение как бы подвергается ретушированию.

Изменить яркость изображения может и радиозритель. Поворотом рычага телевизора можно сделать изображение ярче или темнее. Просто и удобно. Правда, это удобство несколько смущает... телережиссеров. Оно иногда сводит на-нет их творческий замысел. В том месте, где изображение покажется зрителю слишком темным, он повернет рычажок на деление «светлее». А оно, оказывается, светлее-то и не должно быть, режиссер хотел дать в этом месте именно ночное освещение.

*

Мы все хорошо еще помним появление звука на киноэкране. Безмерны были наши изумление и восхищение, когда, наконец, «великий немой» заговорил. Но еще более чудесным представляется прозрение радиослушателя: он стал не только слышать, но и видеть.

Недалеко уже то время, когда телевидение выйдет из ограниченной стенами студии на «натуру» — на широкий простор улиц, площадей, стадионов. Телеоператор со своей волшебной камерой в торжественные дни всенародных праздников появится на Красной площади, чтобы передать по эфиру в дома советских радиозрителей изображение величественного парада, а с трибуны мавзолея — любимый облик великого Сталина.

Н. Пахомов

РЕДКАЯ БИБЛИОТЕКА

Фото Е. Пиотрковского

Длинные ряды книг, старинные переплеты с золотым тиснением — вот что сразу бросается в глаза, едва переступаешь порог этого кабинета. Сначала вы знакомитесь с книгами русских поэтов XVIII и начала XIX века. Но это — только начало. Против большого письменного стола, заваленного рукописями, размещены на полках книги поэтов середины и конца XIX века. Направо, в отдельном шкафу, глядят с полки сборники символистов, футуристов, имажинистов. Комната кажется задавленной книгами. Ее хозяин профессор Иван Никанорович Розанов переходит от полки к полке и показывает посетителю все новые фолианты, миниатюрные томики, редкие издания, украшенные автографами, и др.

Книга русского поэта Василия Тредьяковского, изданная в 1730 году.

Сорок лет назад, будучи студентом Московского университета, И. Н. Розанов напечатал в юбилейном «Пушкинском сборнике» свою первую работу — «Грибоедов и Пушкин». За эту работу ему присуждена была факультетом Пушкинская медаль. К настоящему времени список трудов профессора Розанова насчитывает около 25 отдельных книг, написанных им самим или вышедших под его редакцией (в том числе такая капитальная работа, как «Русская лирика»), и около 200 статей по истории русской поэзии.

Литературная общественность знает профессора Розанова не только как интересного исследователя, но и как собирателя замечательной библиотеки. Библиотека эта, в сущности, совсем не является обычной библиотекой любителя-библиофила, собирающего книги исключительно по признаку их редкости. Здесь нет погони за одной внешностью книги: красотой переплета, сохранностью обложки. Здесь совершенно отсутствует гурманство заядлого коллекционера, который с особой гордостью показывает вам неразрезанный экземпляр какой-либо книги в обложке, содержание которой его вовсе не интересует. Наоборот, с точки зрения такого библиофила, профессор Розанов совершает святотатство, покрывая некоторые книги на полях своими заметками.

История собирательства этой библиотеки — история целой жизни. Еще будучи гимназистом 4-й московской гимназии, Розанов начал собирать книги. Интерес исследователя заставлял Розанова рыться в лавках букинистов, подбирая книжки малоизвестных или забытых поэтов.

В библиотеке прекрасно представлены почти все имена русских поэтов, даже и тех, что прошли почти незамеченными или были прочно забыты. Достаточно указать хотя бы на такие имена, как Николай Николев, Гаврила Каменев, Иван Пнин, Владимир Филимонов, Валериан Олин, Семен Бобров, Иван Борозднa и другие.

Говорить об интересных книгах этой библиотеки — значило бы написать много страниц. Однако отметить кое-что и в короткой журнальной заметке необходимо. Вот редчайшая книга одного из первых русских поэтов, Василия Тредьяковского,— «Езда в Остров любви. Переведена с французского на русский через студента Василья Тредиаковского». Книга эта издана в 1730 году. Вот замечательный экземпляр первого сборника стихов поэта-партизана Дениса Васильевича Давыдова, издания 1832 года. На титульном листе сделанный от руки портрет Давыдова. Об этом портрете, до сего времени не известном и нигде не опубликованном, на форзаце книги имеется интересная карандашная пометка: «Портрет, сделанный здесь Мясоедовым, очень похож, он (Давыдов) сделан таким, каким мы его видели в Новгороде-Волынском в 1831-м году».

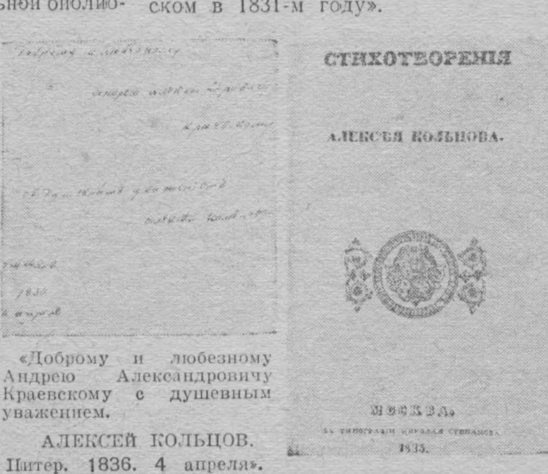
Профессор И. Н. Розанов в своей библиотеке.

Вот три редчайших книги: «Лирический пантеон» А. А. Фета, «Стихотворения» Лермонтова и «Мечты и звуки» Некрасова. Все три сборника вышли в 1840 году.

Самой редкой книгой Некрасова считался до последнего времени его первый юношеский сборник «Мечты и звуки», вышедший в 1840 году. Как известно, после резкого отзыва Белинского об этой книге Некрасов упорно скупал все экземпляры сборника и уничтожал их. Однако гораздо большую редкость составляет сборник того же Некрасова «Коробейники», изданный в 1862 году для народа и стоивший 3 копейки.

Многие книги в библиотеке Розанова имеют автографы авторов. Так, в библиотеке имеются книги с автографами Державина, Крылова, Рылеева, Жуковского, Баратынского, Кольцова, Бенедиктова, Шевченко, Некрасова, Фета, Щербины, Полонского и других. На книгах поэтов XX века — Брюсова, Блока и других — автографы, адресованные профессору И. Н. Розанову. В библиотеке хранятся интересные экземпляры сочинений поэтов, находившиеся прежде в руках известных исследователей русской литературы. Страницы многих из них отмечены ценными пометками и замечаниями. Так например экземпляр второго издания стихотворений Некрасова 1861 года, из библиотеки знатока русской литературы П. А. Ефремова, имеет ряд пометок и добавлений стихов, не появлявшихся в печати.

Нет почти ни одного молодого исследователя русской поэзии, который бы не только не знал о библиотеке Розанова, но которому бы не приходилось так или иначе воспользоваться этой своеобразной ценной литературной энциклопедией.

«Доброму и любезному Андрею Александровичу Краевскому с душевным уважением.
АЛЕКСЕЙ КОЛЬЦОВ.
Питер. 1836. 4 апреля».

Титульный лист первого сборника стихов Дениса Давыдова (слева).

Титульный лист сборника стихов Алексея Кольцова (справа). В центре: автограф А. Кольцова в сборнике его стихов.

М. Поляновский

«СИЛА ЖИЗНИ»

Дело школьного учителя Скопа прогремело по всему миру. Этого не предвидели ни судьи, ни организаторы процесса.

Учителя судили в американском городе Дейтоне штата Тенесси. Скоп не отрицал предъявленного ему обвинения. Да, он действительно излагал в школе эволюционную теорию Дарвина о происхождении видов, происхождении человека от обезьяны.

Учителя Скопа осудили на основании специального закона, запрещавшего преподавание в школах дарвинизма, как учения «противного библии».

Дело Скопа, показавшее пример невероятного мракобесия, известно под названием «Обезьяньего процесса». Эта позорная история разыгралась пятнадцать лет назад в США.

Какой участи подвергся бы в буржуазной стране человек, осмелившийся популяризировать гениальное учение Дарвина не только на словах, но и зрительно, хотя бы с помощью кинематографа?

Такой смельчак, несомненно, оказался бы, как и учитель Скоп, на скамье подсудимых. Его бы жестоко покарал буржуазный суд.

В минувшем году появился кинофильм «В глубинах моря». Картина, показывая «быт» морских животных, в простой и убедительной форме популяризировала учение Дарвина о происхождении видов.

Какая же судьба постигла автора фильма Александра Згуриди?

В мае 1940 года советское правительство наградило его за эту работу орденом. Ободренный высокой наградой и вниманием, Александр Згуриди в своей новой работе продолжает популяризацию трудов гениального ученого на экране.

Действие нового фильма развертывается на протяжении четырех времен года. Съемки, уже приближающиеся к концу, займут ровно двенадцать месяцев.

«Сила жизни» — так будет называться эта кинолента.

Просмотрев некоторые кадры, снятые зимой, весной и летом (съемки завершатся осенью), мы получили представление о том, как будет отображено на экране учение Дарвина о постоянно происходящей в природе борьбе за существование.

Съемочной группе режиссера-орденоносца Александра Згуриди пришлось проделать сложную, трудную работу.

Съемки происходили и сейчас идут не в зоопарке, но в лесах, на полях, в степях. Обитатели лесов и полей ведут себя на воле не так, как в зоопарке. Чтобы снимать их в естественной обстановке, приходится прибегать к маскировке, к различным техническим ухищрениям (бесшумная съемочная камера, набор специальных телеобъективов и др.). Но главное, чем пришлось вооружиться съемочной группе,— это бесконечным терпением.

Фильм начнется надписью:

— В природе нет двух вполне одинаковых живых существ. В одной и той же жизненной среде каждый организм по-разному относится к окружающим условиям: одни погибают еще при рождении, другие — в период развития, и только наиболее приспособленные выживают.

И на экране возникают картины природы, которые иллюстрируют это утверждение Дарвина.

...Минувшая зима была холодной и лютой. Морозы достигали пятидесяти градусов. Запорошенный снегом, лес казался вымершим.

...Но вот, пробираясь по глубокому снегу, медленно движется барсук. Из-за поваленного дерева показывается медведь. Вытянув морду по ветру, он ловит лесные запахи.

Что заставило барсука и медведя покинуть теплые логова? Они забрались в них с первыми холодами, чтобы, медленно расходуя запасы своего жира, провести в полусне зиму. Но некоторым животным жира не хватает. Голод выгоняет их из зимних убежищ, и они почти всегда гибнут в лесу.

Медленно плетется изнуренный барсук. Потеряв последние силы, он прилег под кустом и уснул навсегда. Медведю тоже невмоготу пробиваться сквозь метель. Он остановился, сел на задние лапы, заревел.

Однажды лунной ночью оператору Мих. Пискунову удалось заснять в лесу такой эпизод: по глубокому снегу мчались два зайца, преследуемые волком; более слабый заяц вскоре выбился из сил и стал добычей хищника.

Как будто пуст зимой лес. Редко слышится тихий шорох. Но телеобъектив кинокамеры дает новые возможности для наблюдений...

...Уходит вдоль по снегу прямой, как строчка, след лисицы. Телеобъектив настигает лисицу, фиксирует на пленку. Злым и голодным огоньком поблескивают ее глаза. Только самые сильные и ловкие из мелких зверей и птиц не станут добычей хищницы.

Чтобы заснять единственную в СССР зимовку птиц, киноработники выехали в Гассан-Кули, на Каспий, вблизи иранской границы. Здесь зимуют миллионы водоплавающей птицы, в том числе фламинго.

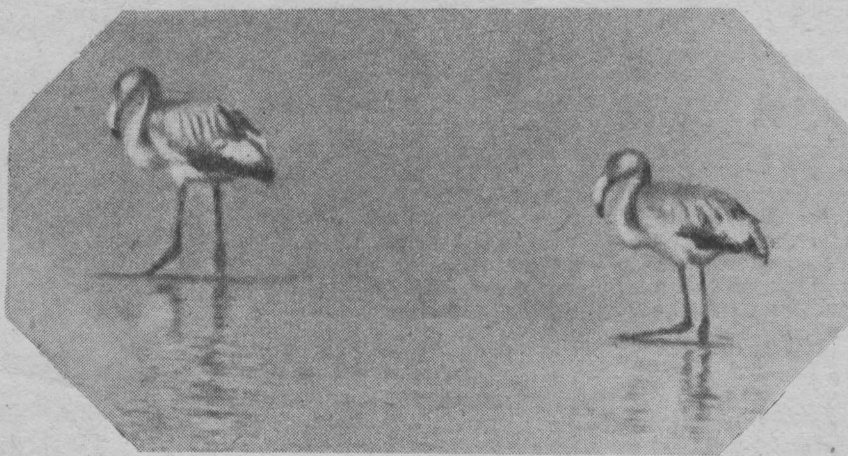
На советской территории фламинго тщательно охраняются. Наши пограничники оберегают этих больших красивых птиц, как свою землю. (Отметим в скобках, что на иранской территории фламинго подвергаются беспощадному истреблению. Там существуют концессионные англо-французские консервные заводы, и для них фламинго, как и дикий гусь,— всего лишь сырье для выработки консервов.)

Чтобы заснять для фильма осторожных фламинго, прибегли к хитрости.

Киноработники оборудовали на лодке брезентовую палатку и поставили ее на несколько суток посреди пролива. Когда фламинго освоились с этим сооружением, привыкли к нему и перестали обращать на него внимание, в лодку пробрались операторы. Они провели в ней ночь и с восходом солнца сквозь прорези в брезенте палатки засняли фламинго. Конечно, шум аппарата был приглушен, как и в моменты съемок диких зверей в лесу.

...Весна. Мартовское солнце. Начинается прилет птиц с юга. На родину возвращаются лишь наиболее крепкие птицы, сумевшие перенести все невзгоды долгого пути.

На экране лужайка. Распустив хвост, надув шею, поет-токует тетерев. К нему приближается другой самец. Возникает драка. Слабый ретируется. Победитель подходит к пасущимся в отдалении тетеркам.

В Гассан-Кули, вблизи иранской границы, зимуют осторожные фламинго.

Вот приплыл и взобрался на поверхность заяц, спасающийся от наводнения.

(Воспроизведено с кинокадров)

Одному из операторов фильма, Эдуарду Эзову, удалось запечатлеть в подмосковном лесу интересный эпизод.

Болотная утка во время высиживания птенцов не смазывает себя жиром. Хотя это причиняет ей много неудобств: зуд, невозможность плавать,— тем не менее, утка воздерживается от смазки. Поступает она так, чтобы запах жира не выдал ее присутствия хищнику.

Згуриди и Эзов натолкнулись на гнездо, вблизи которого, на расстоянии нескольких шагов, вертелась лисица. Утка не подавала признаков жизни, словно была твердо уверена в том, что лиса ее не тронет. И впрямь, пушистая хищница прошла мимо гнезда, так и не почуяв сидевшей в нем утки.

Интересные съемки были сделаны весной на реке Каме. Таял снег в лесах и в горах. Прибывала полая вода.

К едва выступающему на поверхности воды островку плывут большие и маленькие животные. Камера оператора Троянского запечатлевает то, что происходит вокруг. Более сильные достигают клочка суши, слабые тонут, не доплыв...

Вот приплыл и взобрался на поверхность заяц. На этом же островке спасается лисица. Они перебегают с места на место, как бы не замечая друг друга. Страшная, холодная, все прибывающая вода наводит ужас на животных, заглушает в них инстинкты. Хищники забывают свои повадки, их жертвы в эти минуты не испытывают страха.

По Каме плывет обрубок дерева, какая-то коряга. Телеобъектив оператора обнаружил и на ней жизнь. На серой, уносимой быстрой водой коряге спасаются от наводнения ужи, змеи, ежи.

В одном из летних эпизодов фильма запечатлен трогательный пример самоотверженности животных.

Под кустом, свернувшись клубочком, лежит в траве детеныш косули. Стороной прошел волк. Насторожилась мать косуленка. Волк ушел. Косуля подошла к детенышу, покормила и облизала его.

Но волк учуял добычу, вернулся снова. Заволновалась косуля, сделала скачок в сторону, к чаще леса. Волк помчался за ней. Она умышленно стала жертвой хищника, чтобы отвлечь его внимание от детеныша.

Фильм «Сила жизни» явится первым подлинным календарем природы. На экране в календарном порядке, шаг за шагом, будет показана жизнь природы, флоры и фауны, будут еще раз подтверждены фактами многолетние наблюдения Чарльза Дарвина.

В звуковое оформление фильма войдет живая лесная музыка: скрип деревьев, пение и токование птиц...

Концовкой киноленты явятся следующие слова Дарвина:

«Таким образом из войны природы, из голода и смерти непосредственно вытекает самый высокий результат, какой ум в состоянии себе представить,— образование высших животных».

Сейчас, когда в студии Мостехфильм находится уже большая часть снятой в разных концах страны картины, съемки «Силы жизни» еще продолжаются. Целые декады проводят киноработники невылазно в лесах и на полях, жадно запечатлевая все, что относится к теме фильма. Лишь урывками наезжают они в Москву, чтобы проявить здесь снятый материал и повидаться с научными консультантами фильма, в том числе с профессором П. А. Мантейфелем.

Так рождается кинофильм, наглядно иллюстрирующий великое учение Дарвина о силе жизни.

КАК ОНИ ОПЛАКИВАЛИ ФРАНЦИЮ. Перед нами номер французской правой газеты «Тан» от 16 июня. Три дня назад был сдан Париж. Французские армии, вернее, то, что осталось от них, прилагают последние судорожные усилия, чтобы задержать чудовищный натиск безостановочно двигающихся вперед германских войск. Солдаты не спят по пять — шесть суток. Страна покрыта развалинами, поля битв — воронками от снарядов и воздушных бомб и тысячами трупов павших бойцов. Девять миллионов беженцев наводняют села и города, шоссе и проселочные дороги юга и юго-запада... Но этот смерч крови и бедствий мало трогает черствые, каменные сердца «патриотов» биржи и аристократических особняков. Они невозмутимы, живут своими волнениями и интересами.

Как и остальные столичные газеты, «Тан»—орган двух капиталистических объединений: Союза тяжелой промышленности и Союза углепромышленников — переменил адрес. Газета выходит не в Париже, а в Анжере, бывшей резиденции так называемого польского «правительства» (последнее, как гласит помещенная в этом же номере газеты краткая заметка, «выбыло в другой район Франции», в какой, не указывается).

О чем пишет «Тан»?

Начнем с объявлений.

На второй странице (газета состоит всего-навсего из двух жалких страниц) мы читаем:

«Ювелирная фирма Мишель, площадь Мадлены, д. 6, покупает по максимальным ценам драгоценности, бриллианты, серебряную посуду, часы».

Далее следуют рекламы фешенебельных отелей и пансионов на модных курортах: «прекрасные повара», «исключительный комфорт», «цены от ста франков в день», «специальный курорт Сали де Беарн для женщин, он возвращает молодость».

На первой странице «Тан» напечатаны сводки военного командования, сообщающие о трагическом положении французских армий, в передовой статье содержится патетический призыв к жертвам, к «национальному единодушию», а на второй странице помещена — трудно поверить глазам — длинная писанина некоего Мориса Дюваля, его сантиментальные излияния по поводу участи бедных... собачек.

«Приближение неприятеля,— пишет Дюваль,— вызвало необходимость разлуки со многими вещами, которые составляли интимное окружение нашей жизни и помогали нам жить. Сожалея об этом, как не пролить слезу над той жертвой, которую пришлось принести, расставшись с добрым хранителем наших очагов, с верной собакой, нашим другом, самым лучшим и бравым?

В одно черное утро пришел приказ: нужно все бросить и уезжать.

— Уезжать—хорошо сказано. А собака?

— Можете оставаться с ней. Брать с собой не разрешается».

Мосье Дюваль теряет самообладание, он обвиняет в бесчеловечности всех, кто виновен в том, что ему пришлось расстаться с собакой. Он отправляется к ветеринару, усыпляет животное, клянет войну с ее ужасами, льет слезы...

Так, среди объявлений о скупке бриллиантов и о первоклассных отелях, под слезоточивое журчанье об участи покинутых собак на второй план сходит великая драма, которую по милости «двухсот семейств» переживает Франция...

Не лишено также интереса, что номер «Франс милитэр», орган французских военных кругов, от 11 июня, то есть тогда, когда развернулись решающие бои и на карте стояла участь Парижа, заканчивался следующим объявлением:

«Мужское бессилие, физическое истощение, нервная депрессия. Покупайте «Неоспермин». Далее следовал адрес фирмы.

США — ЕВРОПА ЧЕРЕЗ СУБСТРАТОСФЕРУ. Американское общество воздушных сообщений «Панамерикэн эруэйс» разработало план воздушного сообщения с Европой через субстратосферу. Конструируется специальный гидросамолет, рассчитанный на 50 пассажиров, со средней скоростью в 500 километров в час; запас горючего в 2,5 тонны должен обеспечить беспосадочный перелет с одного континента на другой.

Установлено, что зона ненастной погоды над Атлантическим океаном в основном расположена на высоте не больше 5 тысяч метров; лишь 11 процентов бурь происходят, по среднегодовому исчислению, на высоте между 5 и 8 тысячами метров. Из этих соображений самолет конструируется с тем расчетом, чтобы перелет происходил, если потребуется, на высоте 8 тысяч и больше метров.

Предполагается ежедневно отправлять по 6 самолетов из каждого направления, таким образом в оба конца ежедневно будет доставляться 600 пассажиров.

Пока в Западной Европе длится война, посадка и отправка гидросамолетов будут проводиться в Лиссабоне.

НЕОЖИДАННОСТИ ВТОРОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Неожиданное и не совсем приятное сотрудничество: английской полиции приходится нести службу под руководством германских военных властей.

Действие происходит на острове Джерси, самом большом из группы Нормандских островов, расположенных в проливе Ла-Манш, у северных берегов Франции. Острова эти принадлежат Англии. Их общая площадь — 196 квадратных километров, население — около 95 тысяч человек. Остров Джерси занимает 116 квадратных километров, Гернси — 65 квадратных километров, далее следует ряд крохотных островков: Олдерни, Сарк и др.

Нормандские острова, по существу, являлись огромным огородом и садом, снабжавшим Англию тысячами тонн помидоров, капусты и других овощей, а также всевозможными фруктами. Лондонские гастрономы лишились также вкусной рыбы, которой славятся острова Пролива, как называют в Англии Нормандский архипелаг.

Ныне эти острова заняты германскими войсками.

ДОЛГОЛЕТНИЙ РЕКОРД. Есть спортивные рекорды, которым суждено просуществовать всего несколько дней, а иногда только несколько часов.

Так было со всесоюзным рекордом в беге на 1500 метров.

Ленинградец Пржевальский в матче двух городов опередил москвича Пугачевского и установил новый рекорд. А через 7 дней старый обладатель рекорда Пугачевский отвоевал его опять.

Недолговечность рекорда — показатель спортивных успехов в том или другом виде соревнований.

Но есть в легкой атлетике рекорды, которые обнаруживают досадную и неуместную живучесть.

К таким долголетним, состарившимся рекордам принадлежит рекорд в беге на 100 метров. Еще в 1929 году спринтер Корниенко пробежал 100 метров за 10,7 секунды.

Это время не побито за 11 лет ни одним советским легкоатлетом. Рекорд Корниенко — самый старый рекорд в таблице всесоюзных достижений легкоатлетов.

Недавно на показательных соревнованиях в Москве встретились в забеге на 100 метров два лучших спринтера страны — Головкин (Москва, ЦДКА) и Анисимов (Харьков, «Здоровье»).

Бег выиграл Головкин, опередив на грудь Анисимова. Время, показанное победителем и побежденным,— 10,8 секунды. У себя в Харькове Анисимов пробежал в этом году стометровку в 10,7 секунды.

Будет ли в этом году побит рекорд Корниенко, покажут ближайшее будущее и, в частности, всесоюзные соревнования по легкой атлетике 24—30 августа сего года в Москве.

Нужно надеяться, что советские спринтеры хорошо подготовятся к соревнованиям и дружно ополчатся против «престарелого» рекорда.

НА ВЕЛОСИПЕДЕ ПО БЕЗДОРОЖЬЮ. Езда на велосипеде по перелескам, через рытвины и ухабы, через канавы и пригорки требует особенно высокого мастерства.

В этом году велокросс был разыгран в окрестностях Минска. В соревновании приняли участие виднейшие велогонщики СССР: Рыбальченко, Леонов, Назаров, Букреев, Большаков и другие.

Все ждали, что победителем будет один из этих спортсменов. Однако лучшее время на 40-километровой дистанции показал белорусский гонщик Малец («Спартак»), еще ни разу до этого не встречавшийся с советскими велосипедистами. 40 километров Малец прошел за 1 час 27 минут 02,2 секунды. Вторым, вслед за победителем, пришел Купровский («Металлург Востока»).

Женское первенство СССР по велокроссу было разыграно в тех же условиях, но на дистанции в 20 километров. Звание чемпиона СССР по велокроссу завоевала Иванова-Крылова («Каучук»).

УСПЕХ МНОГОБОРЦА. Лучшими многоборцами в Советском Союзе являлись до сих пор москвичи Демин и Кудрявцев, киевлянин Канаки. Сейчас к ним прибавился молодой способный спортсмен И. Степанченок. Это, безусловно, один из наиболее вероятных кандидатов в чемпионы СССР по многоборью. За последний год — два И. Степанченок добился прекрасных успехов почти во всех видах легкой атлетики, а в барьерном беге он показал себя спортсменом международного класса. В прошлом году И. Степанченок пробежал 110 метров с барьерами за 15 секунд. В текущем сезоне он несколько раз повторял это время, а в конце июля улучшил его и установил новый всесоюзный рекорд — 14,6 секунды.

Таким образом, от международного рекорда, установленного в 1936 году американцем Таунсом (13,7 секунды), нас отделяет уже только меньше одной секунды.

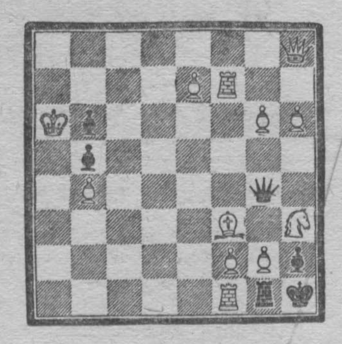
ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

В шахматных задачах цугцванг является одной из самых популярных тем. Цугцванг означает принуждение к ходу, вынужденный ход. В позиции цугцванга активная сторона не располагает решающими угрозами. Однако защищающийся вынужден сделать какой-либо ход, и любой из возможных ходов ведет к ухудшению позиции и вместе с тем дает возможность атакующему форсировать выигрыш.

Тема цугцванга получила широкое использование в шахматной композиции, на нее составлено множество совершенных задач и этюдов.

Приводим пример, иллюстрирующий эту тему:

Белые: Крa6, Фh8, Лf7, f1, Cf3, Кh3 пп. b4, e7, g6, h6, f2, g2 (12).

Черные: Крh1, Фg4, Лg1 пп. b6, b5, h2 (6).

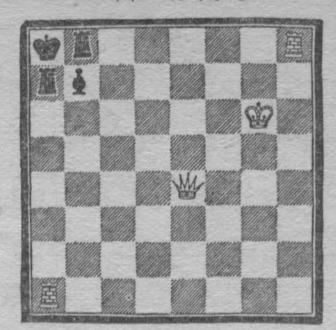
Белые начинают и дают мат в три хода.

Задание выполняется посредством 1. Cf3—a8.

Основной вариант 1....Фg4: :g2 2. Лf1—a1! приводит к замечательной позиции цугцванга с симметричным расположением главных играющих фигур. Черные вынуждены сделать какой-либо ход, и каждый их ход ведет к мату. Нетрудно видеть, что другие защиты черных (кроме 1. Ф : g2) также ведут к мату на третьем ходу путем движения белой пешки g2. Если же черные блокируют эту пешку путем 1. Фg3, то белые играют 2. f2 : g3, что влечет за собой новую позицию цугцванга.

Приводим для самостоятельного решения еще две задачи на тему цугцванга:

ЗАДАЧА № 4

Белые: Крg6, Фe4, Лa1, h8 (4).

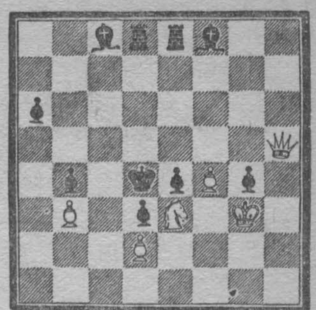
Черные: Крa8, Лa7, b8 п. b7 (4).

Белые начинают и дают мат в два хода.

Не трудно находимый, но эффектный первый ход ставит черных в положение цугцванга.

Знаменитый американский композитор С. Лойд и в области задач на цугцванг оставил множество незабываемых произведений. Приводим замечательную задачу Лойда на эту тему:

ЗАДАЧА № 5

Белые: Крg3, Фh5, Кe3, пп. b3, d2, f4 (6).

Черные: Крd4, Лd8, e8, Cc8, f8 пп. a6, b4, d3, e4, g4 (10).

Белые начинают и дают мат в два хода.

В области разработки темы цугцванга эта задача является верхом совершенства. Первым ходом белые завершают построение позиции цугцванга. Несмотря на то что в распоряжении черных имеются пятнадцать различных ходов, тем не менее каждый их ход приводит к мату.

КРОССВОРД

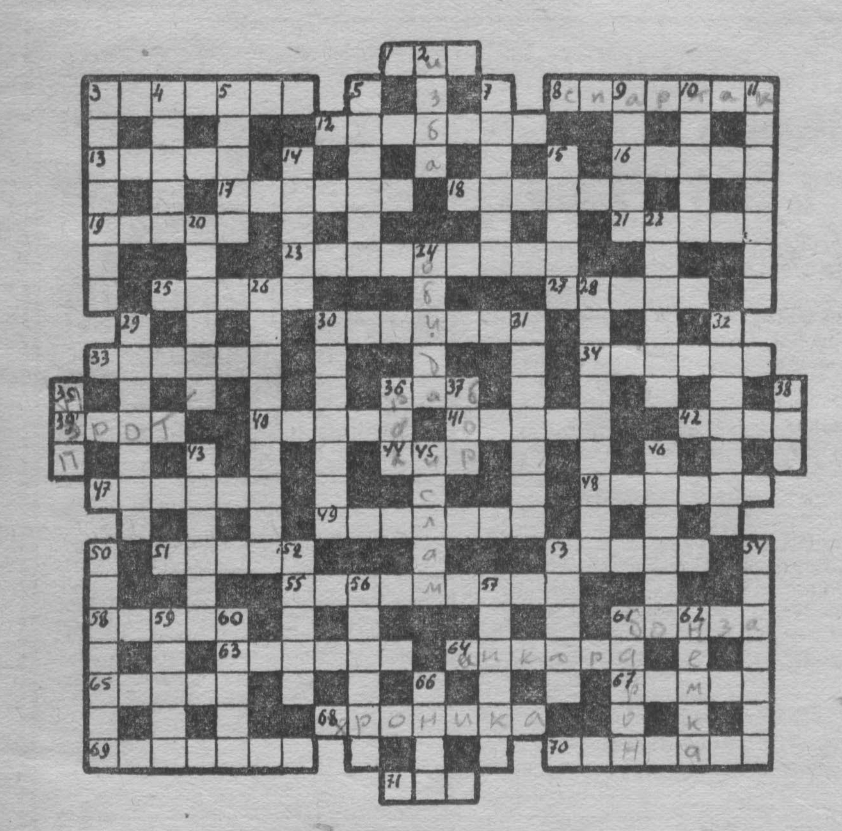
СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» А. А. СЛИС

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Герой драмы Шекспира.
3. Руководитель хора в древнегреческой трагедии.
8. Вождь восставших рабов в древнем Риме.
12. Немецкий философ.
13. Личинка насекомого.
16. Норвежский драматург.
17. Новообращенный, недавно примкнувший к какому-либо учению.
18. Величайший живописец эпохи Возрождения.
19. Горная цепь в Африке.
21. Публичное объявление.
23. Умозаключение.
25. Музыкальный термин.
27. Орнамент колонны.
30. Бог любви у древних римлян.
33. Вооруженная охрана.
34. Животное.
36. Невольник.
39. Бог любви у древних греков.
40. Народное собрание в древней Греции.
41. Гора в Греции.
42. Представитель одной из народностей, живущих в СССР.
44. Ископаемое.
47. Женское имя.
48. Металл.
49. Название бабочки.
51. Грек.
53. Багдадский халиф.
55. Балы, введенные Петром I.
58. Политический деятель в древнем Риме.
61. Буддийское духовное лицо.
63. Финикийское божество растительности.
64. Город в Турции.
65. Римский император конца I века нашего летоисчисления.
67. Герой драмы Шекспира.
68. Записки современника.
69. Распространенная в Индии религия.
70. Музыкальное произведение.
71. Река в Швейцарии.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Деревенский дом.
3. В греческой мифологии — получеловек, полуживотное.
4. Один из основателей Рима.
5. Французский писатель.
6. Государственный деятель в древних Афинах.
7. Философская школа в древней Греции.
9. Богиня войны в древнегреческой мифологии.
10. Итальянский поэт эпохи Возрождения.
11. Исторический замок в Италии.
14. Главная улица в Риме.
15. Буква греческого алфавита.
20. Левый приток Куры.
22. Посол Ватикана.
24. Оскорбление.
26. Украинские крестьяне, восставшие в XVIII веке против польских панов.
28. Царица Египта.
29. Крепостная зависимость в Римской империи.
30. Тайная организация бандитского характера в Италии.
31. Русский поэт.
32. Карфагенский полководец.
35. Новая экономическая политика.
36. Болезнь.
37. Химический элемент.
38. Река в Индии.
43. Знаменитый французский математик, астроном и физик.
45. Мусульманство.
46. Вулкан в Южной Америке.
50. Название норманнских воинов и мореходов.
52. Титул правителей в Индии.
53. Пресноводный полип.
54. Героиня романа Горького «Мать».
56. Председатель палаты общин в Англии.
57. Знаменитый французский натуралист.
59. Герой древнегреческой легенды.
60. Персидский поэт XIII века.
61. Дворянский титул.
62. Женщина немецкой национальности.
66. Река на Кавказе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 23 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Варяг. 4. Физик. 7. Оселок. 9. Вертер. 11. Анчар. 14. Орфей. 15. Ежевика. 17. Флагман. 19. Аргун. 21. Рута. 22. Терка. 24. Анка. 26. Сруб. 29. Верн. 30. Фуко. 32. Ринг. 34. Оса. 36. Том. 37. Сто. 38. Акр. 40. Трава. 42. Перископ. 43. Нерпа. 45. Рудин. 47. Материал. 48. Опора. 50. ГТО. 51. Или. 52. Икс. 53. Они. 55. Шлюз. 57. Рона. 58. Енот. 60. Мост. 62. Паяц. 64. Вотум. 66. Срыв. 68. Ландо. 71. Одеяние. 73. Испанка. 75. Салон. 76. Терек. 77. Атташе. 78. Винтик. 79. Аспид. 80. Анкер.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Влага. 2. Рычаг. 3. Горение. 4. Фронтон. 5. Зефир. 6. Кайла. 8. Очи. 10. Еда. 12. Дар. 13. Эфа. 16. Ван. 18. Гау. 20. Рало. 23. Кадр. 24. Антагонизм. 25. Компромисс. 27. Республика. 28. Броненосец. 29. Вар. 30. Фарватер. 31. Оскомина. 33. Гап. 35. Стюарт. 39. Каштан. 41. Арад. 44. Рыло. 46. Уош. 49. Рот. 50. Гуно. 54. Ирод. 56. Лимонад. 59. Облатка. 61. Оля. 63. Яна. 64. Весна. 65. Тулуп. 66. Сев. 67. Вий. 69. Нарок. 70. Оскар. 72. Ниш. 74. Пти.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-12, К 4-28-45. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275 × 360 мм. 1/8 доля, 1½ бум. листа. Техредактор А. Котельникова.

А31207. Изд. № 838. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 15/VII—40 г. Подписано к печати 20/VIII—40 г. Зак. 2412. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Режиссер-орденоносец И. Пырьев—постановщик фильмов „Партийный билет", „Богатая невеста" и „Трактористы"—закончил

НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

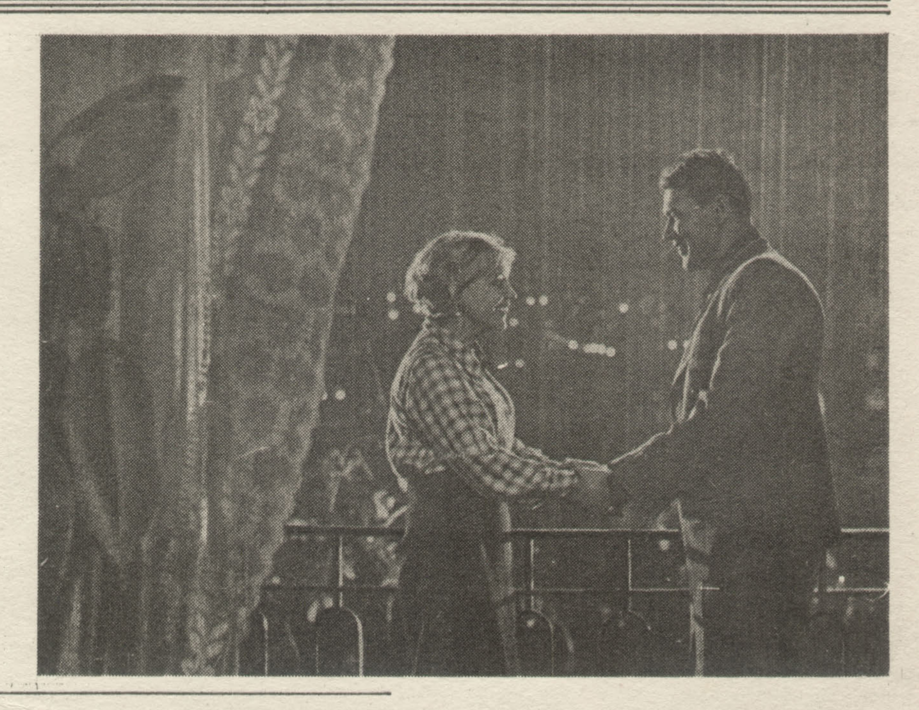
ЛЮБИМАЯ ДЕВУШКА

Автор сценария **П. Нилин.**
Оператор **В. Павлов.**
Художник **А. Бергер.**
Композитор-орденоносец **Л. Шварц.**

●

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

Арт. орденоносец **М. Ладынина.**
Засл. арт. РСФСР **Л. Кмит.**
Засл. арт. РСФСР **Ф. Раневская.**
Засл. арт. РСФСР орденоносец **А. Зражевский.**
Артист **В. Санаев.**

Производство Московской ордена Ленина киностудии „МОСФИЛЬМ". ● Выпуск „ГЛАВКИНОПРОКАТ".

Смотрите новый фильм «ЛЮБИМАЯ ДЕВУШКА».

СКОРО НА ЭКРАНЫ КИНОТЕАТРОВ ВЫХОДИТ

НОВЫЙ МУЗЫКАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

ЗОЛУШКА

Автор сценария — **В. Ардов.**
Режиссер — заслуж. деятель искусств орденоносец **Г. Александров.**
Второй режиссер — **А. Левшин.**
Оператор — **Б. Петров.**
Художник — **Б. Кноблок.**
Музыка заслужен. деятеля искусств орденоносца **И. Дунаевского,**
Текст песен **М. Вольпина** и **А. Д'Актиля.**

●

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

Засл. арт. респ. орденоносец **Л. Орлова.**
Засл. арт. респ. орденоносец **В. Володин.**
Артист **Е. Самойлов.**
Артистка **Рина Зеленая.**

Производство Московской ордена Ленина киностудии „МОСФИЛЬМ". ● Выпуск „ГЛАВКИНОПРОКАТ".

Огонек
Цена 50 коп.